

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 1. С. 47–97.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 1 (2026): 47–97.

Научная статья

УДК 94(470)«1940»

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-2>

<https://elibrary.ru/zfwlqx>

**«Название Крюковский завод слышать доводилось...»:
эпизоды из истории эвакуации в г. Молотов в 1941 г.**

Олег Леонидович Лейбович✉

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия,

oleg.leibov@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>

Oleg L. Leibovich✉

Perm State Institute of Culture,
Perm, Russia,

oleg.leibov@gmail.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>

Юлия Сергеевна Колчанова

Пермский государственный институт культуры,
Пермь, Россия,

jukolchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>

Yulia S. Kolchanova

Perm State Institute of Culture,
Perm, Russia,

jukolchanova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>

Аннотация. В статье на основании неопубликованных архивных материалов произведена реконструкция двух историй, связанных общим действием (эвакуацией двух крупных предприятий с Северо-Запада РСФСР и Приднепровья), единством времени (позднее лето – зима 1941 г.) и места (поселок Кислотный на территории г. Молотов, определенный местом эвакуации и Крюковского, и Калининского вагоностроительных заводов). Первая история касается эвакуации большого машиностроительного завода из зоны боевых действий Юго-Западного фронта. Вторая содержит в себе описание происходившего в теплушке эшелона, перевозившего людей и оборудование Калининского вагоностроительного завода все в тот же поселок Кислотный, где на основе прибывшего некомплектного оборудования и нескольких десятков инженеров и рабочих был заново введен в строй Крюковский завод, который в годы Великой Отечественной войны стал производить фугасные авиабомбы.

© Лейбович О.Л., Колчанова Ю.С., 2026

© Leibovich O., Kolchanova Yu., 2026

В статье присутствуют не только два сюжета, но и два исследовательских подхода: институциональный, необходимый для реконструкции организационных мер по эвакуации, и антропологический. С его помощью мы постарались описать напряженные межличностные связи, сложившиеся у 36 человек, в течение месяца находившихся в замкнутом пространстве грузового вагона – в теплушке с нарами в три яруса. В фокус повествования мы поместили конфликт начальника эшелона и партийных активисток на фоне коллективной травмы, общей для всех участников происходившего.

Замысел нашей работы состоял в том, чтобы предьявить в двух частных сюжетах трагедийную сторону военной эвакуации 1941–1942 и последующих годов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 1941–1942, эвакуация промышленности, организация, люди, межличностные отношения, г. Молотов

Для цитирования: Лейбович О.Л., Колчанова Ю.С. «Название Крюковский завод слышать доводилось...»: эпизоды из истории эвакуации в г. Молотов в 1941 г. // *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2026. Т. 10, № 1. С. 47–97, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-2>; EDN: ZFWLGX

“The Name of the Kryukov Works Is Familiar...”: Episodes from the History of Evacuation to the City of Molotov in 1941

Abstract. Based on unpublished archival materials, the article offers a reconstruction of two stories connected by the unity of action (evacuation of two large enterprises from the RSFSR and Dnieper region), the unity of time (late summer – winter of 1941), and the unity of place (the village of Kislotnyi in the territory of the city of Molotov, determined as the evacuation destination of both Kryukov and Kalinin carriage works). The first story refers to the evacuation of a large engineering plant from combat zone of the Southwestern Front. The second story provides a description of the events that unfolded in a heated freight car of a special train transporting workers and equipment of the Kalinin carriage works to the same village of Kislotnyi, where the Kryukov works was rout into operation again thanks to the efforts of several dozen engineers and workers that had arrived together with the incomplete equipment. During the Great Patriotic War, it began producing high-explosive aerial bombs.

In addition to those two stories, the article contains two research approaches. The first one is the institutional approach, which is crucial for the reconstruction of evacuation efforts. The second one is the anthropological approach, which aided the authors in characterizing the interpersonal tensions developed among the 36 people who were forced to stay in a confined space of a heated freight car with triple bunks for a month. The narrative focus is the conflict between the train master and female party activists amidst the collective trauma shared by all participants.

The intention of our research is to present the tragic side of wartime evacuation in 1941–42 and later years in two private stories.

Keywords: Great Patriotic War, 1941–1942, evacuation of industry, organization, people, interpersonal relations, the city of Molotov

For citation: Leibovich, O.L., and Yu.S. Kolchanova. “The Name of the Kryukov Works Is Familiar. . .”: Episodes from the History of Evacuation to the City of Molotov in 1941.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 1 (2026): 47–97, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-1-2>; EDN: ZFWLGX

Введение

Ю. К., О. Л.: История эвакуации промышленных предприятий и людей в 1941–1942 гг. изучена во многих ракурсах, от экономических до психологических¹. Изданы основные источники: директивы правительственных органов, партийные отчеты, доклады хозяйственных учреждений, воспоминания организаторов, участников и свидетелей².

---

¹ Баранов М.А., Стародубцев В.Ф. Конверсия на войну (Экономическое противоборство в годы испытаний 1939–1945 гг.). Москва: Экономика, 2005; Булюлина Е. Эвакуация сельскохозяйственных животных в Сталинградской области в 1941–1942 гг. // Культурный код. 2025. № 1. С. 112–124. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2025-1-112-124>; Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / под редакцией В.С. Христофорова. Москва: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011; Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013; Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27; Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985; Нечаев М.Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>; Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2016; Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002; Сафонова Т.А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (спецвыпуск). 2000. Вып. 4 (20). С. 122–125; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996; Смыкалин А.С. Политические настроения эвакуированного на Урал населения в годы Великой Отечественной войны: (По материалам военной цензуры) // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 25–26 февраля 2005 г.). Екатеринбург, 2005. С. 51–55; Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / составители Б. Физелер и Р.Д. Марквик. Москва: Политическая энциклопедия, 2019; Эшелоны идут на восток (из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.): сборник статей и воспоминаний / под редакцией Ю.А. Полякова и др. Москва: Наука, 1966.

² Докладная записка секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по машиностроительной промышленности П.З. Субботина секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Г.А. Денисову по вопросу размещения и монтажа оборудования эвакуированных предприятий, прибывших на заводы машиностроительной промышленности Молотовской области // Пермский государственный архив социально-политической истории (далее – ПермГАСПИ). Ф. 105.

Не подлежит сомнению, что советская эвакуация на восток страны является беспрецедентной по своему масштабу и значению серией административно-хозяйственных операций, исполненных в кратчайшие сроки без предварительной подготовки: «В довоенном мобилизационном плане на случай войны массовые эвакуационные перевозки не предусматривались»³. Ее исследователи имеют дело с грандиозной импровизацией, соизмеримой по масштабу и значимости с индустриализацией страны. Речь шла не только о том, чтобы не оставить врагу промышленное оборудование и не дать ему воспользоваться инфраструктурой народного хозяйства, его специалистами, а также сельхозпродуктами. Целевой задачей эвакуации было возобновление фабрично-заводского производства на новых территориях. В немецкой военной разведке – абвере – вплоть до 1943 г. продолжали верить, что для советской экономики такая задача не разрешима, собирали все новые и новые аргументы от коллаборационистов⁴. В свою очередь в советской печати эвакуация была

Оп. 7. Д. 58. Л. 129–136; Из постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР о создании Совета по эвакуации. 24 июня 1941 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1938–1945 гг. Т. 7. 1938–1945. Москва: Политиздат, 1985. С. 212; *Микоян А.И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31–38; Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5 июля 1941 г.) О порядке эвакуации населения в военное время // В штабах Победы. 1941–1945. Документы / под редакцией А.К. Сорокина. Кн. 1. 1941. «Вставай, страна огромная». Москва: Научно-политическая книга, 2020. С. 36–140; *Сталин И.В.* Записка секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву. 10 июля 1941 года // Источник. 1995. № 2. С. 113; *Хрущев Н.С.* ЦК ВКП(б) т. Маленкову. 9 июля 1941 г. // Источник. 1995. № 2. С. 112; *Хрущев Н.С.* Время. Люди. Власть (Воспоминания). Кн. 1. Москва: Московские новости, 1999.

³ *Потемкина М.Н.* Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. С. 16.

⁴ Так, взятый в плен летом 1942 г. под Харьковом красноармеец М. Зыков (бывший советский журналист), за колючей проволокой сочинивший доклад для германского командования под названием «Неминуемый крах советской экономики», был тут же освобожден из лагеря, «...отправлен в город Берлин для службы в Восточной отделе пропаганды германских вооруженных сил». См.: Протокол допроса А.А. Власова 26 марта 1946 г. // Генерал Власов: история предательства. Т. 2, кн. 1. Из следственного дела А.А. Власова / под редакцией А.Н. Артизова. Москва: Политическая энциклопедия, 2015. С. 72. Офицеров Абвера не смутили ни мнимая принадлежность Зыкова к политическому составу РККА, ни его расовая принадлежность. Им импонировал один из тезисов доклада: «Выбыла, по существу, из баланса и промышленность Москвы – она не столько пострадала от авиационных бомбардировок, сколько от эвакуации в дни, когда Москве угрожало падение. <...> Да и каждому рабочему, не говоря уже об инженере, понятно, что за 3–4 дня демонтировать оборудование крупнейшего завода невозможно. Речь шла не о демонтаже, а об уничтожении оборудования по принципу – лишь бы не досталось немцам. Как абсолютное правило, она проходила бесплано и бесхозяйственно, в спешке и в сумятице».

патетически представлена историей величайших успехов и беспримерных подвигов.

В литературе и в наши дни еще встречаются проникнутые партийным пафосом утверждения, что

...каждая организация сразу же четко знала, куда ее эвакуируют, а там знали, кто к ним прибудет и в каком количестве. И уже строились корпуса заводов, по всему пути следования знали, какие эшелоны и примерно когда прибудут, готовили сменные паровозы, уголь, питание...⁵

Но оценки такого рода можно считать маргиналиями на полях большого исторического повествования, в котором эвакуация рассматривается как социальная драма, как трагическая история множества людей на фоне войны, как источник коллективной травмы и тех, кто уехал, и тех, кто остался, и тех, кто принял в свои дома «выковырянных» (распространенное на Урале просторечное, но точное определение) женщин и мужчин, не по своей воле оставивших родные места.

Что может сделать историк, прочитавший множество исследований по эвакуации? Добавить фактический материал, присовокупить собственные оценки деятельности тех или иных ее организаторов. Мы выбрали иной путь, подсказанный уже апробированной техникой микроисторического анализа; сократили дистанцию между собой и предметом нашего изучения, то есть установили наблюдательные пункты прямо в теплушке эшелона, следовавшего из Калининской области в г. Молотов, и в конторке Крюковского вагоностроительного завода в летние и осенние месяцы 1941 г., используя прием метонимии, хорошо известный филологам. Имеется в виду замещение описания предмета или явления в целом описанием его наиболее выразительной или яркой стороны. «Метонимия – часть, представляющая целое»⁶. Для филологов метонимия – это стилистическая фигура, троп. Историки пользуются иным словарем, в котором нет места ни тропам, ни синекдохам, ни метонимии, но сходный прием, реализуемый в микроистории, есть: найти сюжет, наиболее характерный для понимания некоторой исторической ситуации, проанализировать его во всех возможных проекциях и

Москвич Н. (Зыков М.А.) Неминуемый крах советской экономики. Декабрь 1942. Berlin: [б. и], 1943. С. 16, 28.

⁵ Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / под редакцией И.В. Караваевой. Москва: Институт экономики Российской академии наук, 2015. С. 121.

⁶ Парамонов Б., Толстой И. Бедлам как Вифлеем: Беседы любителей русского слова. Философский комментарий к русской литературе. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. С. 115.

на основании изученного представить общую картину. И здесь встает вопрос об источниках. Как правило, достойные изучения сюжеты предъявляли либо сами участники событий в дневниках и письмах, в том, что называется эго-документами, либо газетные фельетонисты, либо сотрудники органов, если использовать язык ушедшей эпохи. Любое уголовное дело представляет собой описание некоего девиантного или деликвентного, но всегда особенного, выходящего из ряда вон случая, рассекающего повседневность (для нас повседневность эвакуации).

При таком приближении историческую панораму увидеть невозможно, но на это мы собственно и не претендуем. Наша задача – реконструировать частные случаи, отдельные сюжеты, события, значимые для малого сообщества людей или вообще отдельных лиц, поскольку, по нашему мнению, именно из таких эпизодов в конечном счете и складывается мозаичная картина эпохи, даже если частности, в них обнаруженные, и не повторяются в другое время и в другом месте.

Мы опираемся на материалы следственных дел, хранящихся в двух архивах – в фонде областной прокуратуры (Государственный архив Пермского края) и в фонде архивно-следственных дел (Пермский государственный архив социально-политической истории). Отдавая себе отчет о способах ведения следствия, обвинительном уклоне, специфике отбора материала, мы тем не менее исходим из принципа презумпции достоверности собранной информации. Следов явной фальсификации в делах обнаружено не было, что позволяет использовать их документы для реконструкции двух сюжетов, проливающих дополнительный свет на эвакуацию. Мы считаем аргументированными выводы С.А. Шевырина о возможности привлечения архивно-следственных дел для изучения эвакуационных процессов⁷. Истории, собранные в статье, касаются разных событий. Их герои вряд ли были знакомы друг с другом. На какое-то недолгое время их соединил эвакуированный в г. Молотов Крюковский вагоностроительный завод, нашедший временное пристанище в пригородном поселке Левшино, а также уголовные дела, заведенные на них в областном управлении НКВД и районной, а впоследствии областной прокуратуре.

---

⁷ См.: Шевырин С.А. Архивно-следственные дела НКВД как источник, дополняющий историю эвакуации (на примере Молотовской области) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019 г.: материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (Пермь, 7–8 ноября 2019 г.) / под редакцией С.В. Неганова. Пермь: Пермский государственный архив социально-политической истории, 2020. С. 480–486.

Основная часть

В кабинетах

О. Л.: Начали мы с просмотра одной из публикаций в группе ВК «История Орджоникидзевского района г. Перми». В ней возникла тема полузатопленного завода, точнее того, что от него осталось, сохранившегося вблизи железнодорожной площадки Кислотный. В сообщении местного жителя, интересующегося историей своего района, мы прочли:

С отцом за карасями ходили в девяностые на озерца, что между подстанцией КамГЭС, плотиной, Соликамским трактом и пьяным гаражом. Так там были полузатопленные бетонные развалины, будка из красного кирпича, задвижки каких-то трубопроводов посреди леса. Так вот отец говорил, что это Крюковский завод, эвакуированный во время войны⁸.

Другой участник обсуждения добавлял:

Озерцы образованы на месте небольших котлованов, вырытых для фундаментов. В центре болот похоже была котельная, видны были остатки угольного шлака. ЖБ лома не так уж много. В дождливые сезоны центральная часть отрезалась водой от «материка». <...> Караси не везде водились. Еще выюнок и гольян. Эти бетонные руины торчали посреди болотины и подойти к ним было никак нельзя. А вот будка из красного кирпича вполне себе была доступна. От дождя в ней прятались часто⁹.

Будка из красного кирпича – вот и все, что сохранило время от Крюковского вагоностроительного завода, эвакуированного в г. Молотов осенью 1941 г. Обратившись к «Базе данных промышленных предприятий, эвакуированных в Молотовскую область в период Великой Отечественной войны» Пермского государственного архива социально-политической истории (ПермГАСПИ), мы нашли сохранившуюся информацию о нем. Удивились тому, что прибывшие с оборудованием работники вагоностроительного предприятия на площадке суперфосфатного завода № 90 им. Серго Орджоникидзе делали фугасные авиабомбы, а не грузовые платформы или полувагоны, как полагалось по профилю. В соответствии с мобилизационным планом Наркомата общего машиностроения СССР производство авиабомб было возложено на предприятия иных промышленных главков:

---

⁸ История Орджоникидзевского района г. Перми. URL: https://vk.com/wall-32134480_1381?ysclid=m746z4vyaz863254657 (дата обращения: 14.01.2025).

⁹ История Орджоникидзевского района г. Перми. URL: https://vk.com/wall-32134480_1381?ysclid=m746z4vyaz863254657 (дата обращения: 14.01.2025).

Заводы бывшего Главсельмаша перестроились на массовое производство корпусов мин; заводы бывшего Главхиммаша – на серийное и массовое производство корпусов мин, авиабомб и снарядов¹⁰.

Крюковский вагоностроительный завод выпускал иную продукцию: «К 20-й годовщине Великого Октября Крюковский вагоностроительный завод стал одним из крупнейших предприятий транспортного машиностроения»¹¹. Впрочем, наркомату среднего машиностроения 8 апреля 1941 г. также было предписано разместить на своих предприятиях заказы на авиабомбы и взрыватели¹².

Пытаясь объяснить указанное несоответствие, обнаружили следующий комментарий:

Оборудование для строительства железнодорожных вагонов на 1 января 1942 г. установлено не было из-за отсутствия свободных площадей. Несмотря на решение СНК от 17 ноября 1941 г. о строительстве вагоностроительного завода в г. Молотов, Наркомат среднего машиностроения не выбрал для него площадку¹³.

Объяснение выглядит неправдоподобным, поскольку город Молотов, растянувшийся по берегам реки Камы вдоль железнодорожной магистрали с востока на запад и с севера на юг и занимавший площадь в 800 квадратных километров, включал в свою территорию множество пустошей, лесов и перелесков и прочих незастроенных мест. Скорее всего, дело было в другом – в отсутствии необходимого оборудования и квалифицированных работников. Подтверждение этому предположению находим в рапорте секретаря обкома:

Крюковский завод разместился на площадке кислотного завода. Оборудование прибыло некомплектно. Часть оборудования оставлена на месте. <...> Монтаж оборудования затянулся больше месяца. Надлежащего

---

¹⁰ *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. С. 139.

¹¹ Вагоностроение в годы первых пятилеток. Развитие вагоностроительных заводов // 1520mm.ru. URL: <https://www.1520mm.ru/railcars/carloadPlants-1929-1941.phtml> (дата обращения: 13.04.2024).

¹² Из приказа наркома среднего машиностроения СССР «О размещении заказов по авиабомбам и взрывателям». 8 апреля 1941 г. // 1941 год. Кн. 2 / составители Л.Е. Решин и др. Москва: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 51–52.

¹³ База данных промышленных предприятий, эвакуированных в Молотовскую область в период Великой Отечественной войны. Крюковский вагоноремонтный завод // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 22. Д. 285. Л. 34; Ф. 105. Оп. 7. Д. 58. Л. 133–134; Ф. 105. Оп. 8. Д. 97. Л. 150–151; Ф. 105. Оп. 8. Д. 107. Л. 28–36. URL: <https://bank.permgaspi.ru/card.php?i=127&e=57> (дата обращения: 10.01.2025).

контроля за заводом не было. Выпуск продукции (ФАБ 100) предусмотрен с 8 ноября 1941 года¹⁴.

Вопросом «некомплектности» в ноябре 1941 г. занялся экономический отдел областного управления НКВД по Молотовской области; было заведено уголовное дело по статье 58-14 УК РСФСР на прибывшее в город заводское начальство: директора, его заместителя и главного инженера. Следствие не подтвердило наличие «специальной цели ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата...». Прокуратура нашла, что «в деле отсутствуют данные для привлечения Н.Д. Гаврилова, А.А. Герцева и П.А. Резниченко к уголовной ответственности по ст. 58-14 УК» и обнаружила в нем «признаки преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РСФСР»¹⁵.

Документ, взятый из служебной переписки двух карательных инстанций, стал для нас основным источником, позволяющим понять, как проходила эвакуация предприятия союзного масштаба из районного центра Полтавской области в г. Молотов. Чтобы не было путаницы с географическими названиями, сразу уточним. Завод находился на правом берегу р. Днепр в административных границах г. Кременчуга – районного центра Полтавской области. В XVIII в. это было отдельное поселение – Крюковский посад. Затем оно стало частью города, сохранившей свой исторический топоним.

Эвакуация, стало быть, происходила из Кременчуга по мосту через Днепр.

Читаем в документе:

---

¹⁴ Докладная записка секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по машиностроительной промышленности П.З. Субботина секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Г.А. Денисову по вопросу размещения и монтажа оборудования эвакуированных предприятий, прибывших на заводы машиностроительной промышленности Молотовской области // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 58. Л. 133.

¹⁵ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 47. Упомянутая в письме ст. 58-14 взята из особенной части уголовного кодекса РСФСР, действовавшего в 1941 г., предусматривала наказание «при особо отягчающих обстоятельствах» вплоть до расстрела за «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Ст. 111 УК РСФСР входила в раздел «должностные (служебные) преступления», в ней составом преступления предусматривалось «халатное отношение к службе, т.е. небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе, при наличии тех же признаков» и устанавливалось наказание в виде «лишения свободы на срок до трех лет» (Уголовный кодекс. С изменениями на 1 декабря 1938 г.: Официальный текст с приложением постатейно-систематизированных материалов. Москва: Юридическое издательство при НКЮ СССР, 1940. С. 32, 62).

В первых числах июля 1941 г. Гаврилов (директор завода. – О. Л.) после возвращения из г. Полтавы собрал совещание начальников цехов и начальников отделов заводоуправления. На этом совещании обсуждался вопрос о подготовке завода к эвакуации. Гаврилов отдал распоряжение начальникам цехов подготовить специальные бригады из рабочих для демонтажа станков и оборудования для погрузки в вагоны. Одновременно им было дано указание начальнику транспорта о приведении в надлежащий порядок жел.дор. передвижных средств, а также предложено начальнику спецотдела Дорофееву составить подробный план эвакуации завода и рабочих¹⁶.

Обратим внимание на дату – первые числа июля, время, когда войска Юго-Западного фронта сдерживали наступление вермахта в сотнях километрах от Кременчуга. Тем не менее областное начальство, получив соответствующее распоряжение из Киева, отдает приказ о подготовке к эвакуации.

В эти дни секретарь ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущев в спешном порядке формировал ополчение, требовал для него винтовки из Москвы, получил вместо них указание: «...делать пики, делать ножи. С танками бороться бутылками, бензиновыми бутылками». Позднее, в воспоминаниях, об этом периоде он говорил: «Уверенности, что выдержим, однако, не было, потому что у нас не было оружия, да не было еще и войск»¹⁷. В г. Кременчуге дивизия народного ополчения была сформирована приказом командующего Харьковским военным округом только 31 июля. Известно общее количество бойцов: около 3 000 человек, командование – кадровые командиры РККА; состав – три полка. Рабочие и инженеры Крюковского завода были зачислены в третий полк. Больше об этой воинской части мы ничего не знаем: «Списки и документация КДНО до настоящего времени не доступна и место ее нахождения неизвестно»¹⁸.

Секретарь ЦК КП(б)У обратился к Г.М. Маленкову за разрешением следующих действий:

---

¹⁶ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 146.

¹⁷ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). С. 321.

¹⁸ Книга памяти Кременчугской дивизии народного ополчения // kremenhistory.org.ua. URL: <https://kremenhistory.org.ua/kniga-pamjati-kremenchugskoj-divizii-narodnogo-opolchenija/> (дата обращения: 31.01.2025).

...в зоне 100–150 километров от противника надо уничтожить все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии¹⁹.

Это предполагало также начало сплошной эвакуации предприятий, находящихся в глубоком тылу. В столичном городе эвакуация заводов, фабрик и учебных заведений вместе с работниками и членами их семей началась уже 29 июня. «Триста двадцать пять тысяч киевлян двинулись на восток»²⁰.

Руководство Полтавского обкома КП(б)У если и не было осведомлено в деталях об этом плане, то во всяком случае разделяло настроения, царившие в партийных верхах, и выдало соответствующие указания, но не письменные директивы.

Вместо Г.М. Маленкова ответил И.В. Сталин, во всяком случае, именно он подписал письмо, где в первых строках говорилось: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина», а в заключении указывалось:

Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование²¹.

К середине июля фронт стабилизировался. Войска отводились на новые рубежи на «25 км северо-западнее Кременчуга»²². Крюковский завод между тем в течение месяца готовили к эвакуации: выделили «...202 вагона в двухосном исчислении, четыре паровоза и 2 подъемных крана». Установили дату отбытия – 3 августа. «В конце июля 1941 г. Гавриловым было проведено второе совещание с целью проверки выполнения указаний о подготовке к эвакуации завода»²³.

---

¹⁹ Хрущев Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). С. 112.

²⁰ Малаков Д. «22 июня, ровно в четыре часа...» (Дещо з історії Києва того дня) // Військово-історичний альманах. Часовник – Центральний музей Збройних Сил України. 2006. № 1. С. 71–72.

²¹ Сталин И.В. Записка секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву. 10 июля 1941 года. С. 113.

²² Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) / ответственный редактор генерал-лейтенант С.П. Платонов. Москва: Воениздат, 1958. С. 163.

²³ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 146.

В те же дни на предприятие поступил приказ из Наркомата среднего машиностроения СССР, «в котором категорически запрещалась эвакуация заводов без особого разрешения зам.наркома т. Вовка»²⁴.

25 июля г. Кременчуг впервые появился в директивах генерального штаба сухопутных сил вермахта:

25 июля 1941 года. 34-й день войны. 1-я танковая группа завершит выполнение стоящих перед ней задач в районе западнее Днепра и сможет форсировать Днепр у Кременчуга и Черкасс с целью последующего соединения со 2-й танковой группой в районе северо-западнее Харькова²⁵.

30 июля вермахт возобновил наступление на Киев. В Кременчуге нервничали и ждали приказ об эвакуации. В материалах дела есть следующая информация:

С приближением линии фронта к Крюковскому заводу в 20-х числах июля Гаврилов написал несколько зашифрованных телеграмм Наркомату среднего машиностроения и начальнику Главтрансмаша, но до оставления Крюкова никакого ответа не получил²⁶.

Тогда директор завода обратился в обком партии в Полтаве, откуда 3 августа получил «словесное распоряжение»: эвакуацию можно начинать. Из объяснений Н.Д. Гаврилова отнюдь не следует, что график подготовки к демонтажу завода был соблюден.

Фактически же к эвакуации было приступлено только 4 августа, за четвертое и пятое августа было отправлено 88 вагонов с оборудованием, а 5 августа было погружено еще 60 вагонов, однако в ночь с 5 на 6 августа железнодорожь Крюково – Котыставка был уничтожен и погруженные вагоны

---

²⁴ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 147; Александр Григорьевич Вовк – заместитель наркома среднего машиностроения СССР с 3 июня 1940 г. (Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. О назначении т. Вовк А.Г. заместителем Народного Комиссара среднего машиностроения. 3 июня 1940 г. № 952 // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР за 1940 г. Москва: [б. и.], б. г. С. 584). В 1941 г. исполнял обязанности уполномоченного Совета по эвакуации при СНК СССР (Приказ народного комиссара среднего машиностроения СССР В.А. Малышева № 303сс от 8 июля 1941 г. «Об эвакуации рабочих и служащих эвакуируемых предприятий» // Российский государственный архив экономики. Ф. 8115. Оп. 8. Д. 83. Л. 8.

²⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. Книга первая (22.6.1941–30.9.1941) / перевод с немецкого И. Глаголева. Москва: Воениздат, 1971. С. 193.

²⁶ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 147.

остались на заводе, так как вывезти их в Кременчуг не представилось возможным из-за разрушения желдормоста через Днепр.

Эвакуацию рабочих и членов их семей до вечера 6 августа местные партийные и советские организации категорически запрещали.

После того, как была разрешена индивидуальная эвакуация рабочих Гаврилов уже не смог использовать подготовленные для этой цели 15 крытых вагонов²⁷.

Из наркомата приказ об эвакуации поступил 8 августа. «Крюков немцы заняли первым: 9 августа 41-го года»²⁸.

Дирекция предприятия успела распустить рабочих по домам, кассиры выдавали им зарплату, что называется с колес, без ведомостей. Поезда, приготовленные к отправке, так и остались на правом берегу: «завод имел значительные запасы металла 14 000 тонн, 2 000 готовых колесных пар и 7 000 штук цельнотянутых колес, которые были оставлены врагу»²⁹. В г. Молотов 8 сентября прибыл один-единственный эшелон: привез из оборудования 38 станков, стальное литье и электроды. Оборудование для производства фугасных авиабомб вывезти не удалось³⁰.

Работники Крюковского завода в большинстве своем остались под оккупацией. Тыловые службы вермахта получили возможность использовать технические и кадровые ресурсы крупного промышленного предприятия; в его цехах были размещены ремонтные мастерские для восстановления поврежденных танков и артиллерийских установок³¹.

В г. Молотов для производства вагонов, колесных пар и платформ не было ни готовых производственных площадей, ни соответствующего оборудования. Крюковский завод вместе с Калининским предприятием, прибывшим в Молотов в таком же разобранном состоянии, разместили на территории

---

²⁷ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 147.

²⁸ Мудрая В. Кременчуг и Крюков: 200 лет вместе! // Телеграфъ. 6.11.2017. С. 1. URL: <https://www.telegraf.in.ua/topnews/10065744-kremenchug-i-kryukov-200-let-vmeste.html> (дата обращения: 13.04.2024).

²⁹ Аудрин П.П. (прокурор по спецделам) – Начальнику ЭКО УНКВД по Молотовской области. 25.03.42 // ГАПК. Ф. р1366. Оп. 1. Д. 707. Л. 147.

³⁰ Докладная записка секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по машиностроительной промышленности П. З. Субботина секретарю Молотовского обкома ВКП(б) Г.А. Денисову по вопросу размещения и монтажа оборудования эвакуированных предприятий, прибывших на заводы машиностроительной промышленности Молотовской области // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 7. Д. 58.

³¹ Шаблій Е.А. Кременчугское подполье в годы Второй мировой войны // okrain.net.ua. URL: https://okrain.net.ua/ru/article/read/kremen_podpole.html (дата обращения: 28.01.2025).

нефтебазы на берегу р. Кама и перепрофилировали для производства авиационного вооружения.

Так закончилась эта простая и довольно банальная для 1941 г., если верить докладу Госплана СССР «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам» от 10 декабря 1941 г., история³².

В списке эвакуированных в г. Пермь я не нашел имен руководителей Крюковского завода. Руководство предприятием было возложено на бывшего директора Калининского вагоностроительного завода Михаила Ивановича Румянцева³³.

В теплушке

Ю. К.: Эшелон с людьми из Калининской области прибыл в г. Молотов («на станцию Кислотный») только 2 декабря» 1941 г.³⁴ Отбыл из г. Кашин он 8 ноября, то есть в пути был 24 дня, за это время преодолев около тысячи километров. В г. Молотов эшелон ждали. Для восстановления на новом месте Крюковского вагоностроительного завода отчаянно не хватало квалифицированных специалистов. Их должны были эвакуировать в Молотов вместе с недостающим оборудованием Калининского вагоностроительного завода³⁵. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от

---

³² «При эвакуации предприятий отбор оборудования для монтажа проводится во многом случайно, без учета комплектности отдельных видов оборудования и особенно оборудования производственного и энергетического. Демонтировав оборудование, наркоматы не организовали учета этого оборудования и контроля за продвижением его в пути, в результате чего эшелоны с эвакуированным оборудованием прибывают к месту назначения, как правило, с большим опозданием, частями и некомплектно. <...> Как правило, наркоматы при вывозе оборудования предприятий не обеспечили эвакуации необходимого количества квалифицированных рабочих...» См.: Доклад Госплана СССР «О ходе восстановления эвакуированных предприятий по наркоматам» 10 декабря 1941 // Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 70. Л. 221–223.

³³ Протокол допроса свидетеля М.И. Румянцева 20 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 49.

³⁴ Протокол допроса обвиняемого В.В. Азарова 3 января 1942 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 47 об.

³⁵ История завода началась в 1898 г. на тверской земле, арендованной французской компанией «Диль и Бакалан». На нем начали производить вагоны грузового и пассажирского железнодорожного транспорта. В 1915 г. тверской завод объединили с рижским предприятием, передав тем самым во владение акционерному обществу Русско-Балтийского вагоностроительного завода. После революции 1917 г. уже национализированное предприятие модернизировали в условиях начавшейся сталинской индустриализации на рубеже 1920–1930-х гг.: начали использовать метод электрической сварки. С 1939 г., по решению советского правительства, завод выпускал только пассажирские вагоны. Но в условиях начавшейся Великой Отечественной войны на нем было развернуто военное

27 июня 1941 г. из оккупированного немцами Калинина должны были прибыть, главным образом, квалифицированные рабочие и инженеры³⁶. На левом берегу Камы, в Орджоникидзевском районе, для них даже приготовили жилье: кому-то в бараках, кому-то на частных квартирах. Кого-то пришлось заселять в вагоны на станции Левшино.

В действительности же получилось так, что вместо производственного коллектива со станции Кашино в Молотов прибыла своего рода большая коммунальная квартира на колесах. Здесь, действительно, были рабочие (не только квалифицированные) с семьями, советские служащие, учителя – всего 117 человек, из которых по спискам только 52 человека являлись работниками завода³⁷. В показаниях начальника эшелона В.В. Азарова читаем: многих «...я совершенно не знал. С нашего завода были только... пятеро»³⁸. Впрочем, все формальности для эвакуации были соблюдены. Прежде чем выдать эвакуационное удостоверение, желающих выехать на Урал включали в заводские списки, назначали на должности. Так, например, директор детской экскурсионной туристической станции была произведена в заместители начальника отдела кадров Калининского вагоностроительного завода.

К месту эвакуации все они ехали в трех товарных вагонах-теплушках. Внутри было тесно. Спальные места располагались в три яруса³⁹. Обычно нары, или полаты, устанавливали в два яруса по разным сторонам от чугунной печки, образующей центр вагона⁴⁰. Вокруг нее люди ели, грелись и разговаривали. Вот за такие разговоры, а также за жесты и мимику и был привлечен к уголовной ответственности начальник эшелона Василий Витальевич Азаров – инженер-конструктор Крюковского завода, невысокий мужчина под сорок лет, без

производство артиллерийских снарядов, минометных мин, авиабомб, санитарных вагонов. См.: История Тверского вагоностроительного завода // Тверской вагоностроительный завод. URL: <http://www.tvz.ru/company/history/?ysclid=m6yxk6iot558868135> (дата обращения: 10.01.2025).

³⁶ См.: Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Первые дни войны: эвакуация (по материалам «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б): архивные документы // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 28–29.

³⁷ См.: Список № 1 рабочих, ИТР и служащих Калининского вагоностроительного завода г. Калинина, эвакуированных в г. Молотов для работы // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 14–19.

³⁸ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 3 января 1942 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 46 об.

³⁹ Жалоба Азарова В.В. на приговор судебной коллегии по уголовным делам Молотовского областного суда от 28 марта 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 84 об.

⁴⁰ См.: Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности. С. 121.

особых примет, «...рот малый; губы тонкие; подбородок прямой; уши малые, треугольные, мочки уха овальные»⁴¹. На устном портрете из материалов дела, составленном женщиной-следователем, Азаров представлен несимпатичным человеком.

В.В. Азаров имел диплом инженера-машиностроителя, закончил машиностроительный институт в г. Режица, тогда Орджоникидзеград, в 1927 г. вступил в ВКП(б)⁴². Как и полагалось советскому интеллигенту в первом поколении, происходил он из крестьян-бедняков: «...сам я до 1923 года пастушил»⁴³. Что называется «шибко партийным» он не стал, в активистах не ходил, на собраниях отмалчивался, политической грамотностью не отличался. Смотрел на происходящее с прищуром и если до поры до времени не высказывался (ученым был), то мимика и жесты его выдавали. Во всяком случае, женщины-партийки в нем своего товарища – «твердокаменного большевика»⁴⁴ не признавали: то усмехнется, услышав патриотический лозунг, то губы скривит, то рукой махнет, а то и скажет что-то совсем обывательское, даже антипартийное или оборвет собеседника на самом важном.

Из материалов дела:

В пути следования в одном из наших разговоров по вопросу военных действий я сказал, что хотя немцы и захватили часть нашей территории, но победа будет за нами, как сказал т. Сталин, на эти мои слова т. Азаров засмеялся и назвал меня болтуном, одновременно заявил мне, что я отвечаю не по-большевистски⁴⁵.

---

⁴¹ Анкета арестованного В.В. Азарова. 15 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 27 об.

⁴² Протокол допроса Азарова В.В. 15 декабря 1941 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 11 об.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Этот термин в 1920–1930 гг. широко использовался в партийной среде для самоописания человека, до конца преданного идее и большевистским вождям, не знающего ни сомнений в генеральной линии, ни усталости в ее исполнении. Во вступительной статье к первому номеру журнала «Большевик» читаем, что значит быть твердокаменным большевиком: «Мы были, есть и будем твердокаменными. Кто устал от тяжелых битв, кто уже мечтает о спокойной пристани и тихих берегах, – тому с нами не по дороге... Большевизм был, есть и будет армией беспощадной, ни на час не прерывающейся войны против старого мира. Условия и формы войны меняются, непримиримость и ненависть наша к миру рабства и угнетения – не изменится никогда... В духе большевистской ненависти к старому миру, в духе непримиримости, твердокаменности, стойкости будем воспитывать мы новые, молодые кадры «ленинского призыва». Мы будем бороться против ликвидаторства, отреченства, скептицизма, неверия, усталости» (Наши задачи // Большевик. 1924. № 1. С. 4.).

⁴⁵ Т. Петра Тимофеевича – Прокурору Орджоникидзеградского р-на. Объяснение. 9 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 3.

Анна Осиповна Т. – член партии с 1917 г., даже плакала, слыша от В.В. Азарова крамольные речи⁴⁶.

Из доступных документов трудно понять, каким Азаров был инженером. Сам он говорил, что хорошим, ответственным, радеющим за дело. Директор завода придерживался прямо противоположного мнения:

К числу хороших работников я его отнести не могу, авторитетом он не пользовался, так как принадлежит к числу рвачей и людей, формально относящихся к работе. Не изменила и война его отношения к труду: задания он выполнял формально, серьезного дела ему поручить было нельзя, и не поручалось. Оборудование цистерн для горючего, которым он занимался, это такая мелочь для нашего завода, что об этом и не стоит говорить. Если он говорит, что сутками не выходил с завода, то это абсолютная ложь⁴⁷.

Карьеру на Калининском вагоностроительном заводе Василий Азаров не сделал, возможно из-за своего вздорного характера, – работал мастером в цеху. Был он человеком вспыльчивым, неуступчивым спорщиком, умел, что называется, качать права:

Он крайне неуравновешен, не выдержан. Зачастую он начинал критиковать ту или иную деталь, кричал о непригодности, о неправильности, но о том, как нужно сделать, по-деловому не заявлял, а просто шумел без толку и все⁴⁸.

Руководителем эвакуации более сотни человек он стал случайно. Полагалось

назначить для каждого эшелона начальника эшелона, ответственного за эшелон во время следования в пути до момента разгрузки и передачи эвакуируемого населения местным органам власти⁴⁹.

Вот В.В. Азарова и назначили. В судебном заседании директор завода М.И. Румянцев объяснил свое решение тем, что «...это не такое трудное задание, и, кроме того, подходящих людей не было»⁵⁰.

---

⁴⁶ Протокол допроса свидетеля Воронцовой В. 26 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 37 об.

⁴⁷ Протокол допроса свидетеля Румянцева М.И. 20 января 1942 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 49 об.

⁴⁸ Протокол допроса свидетеля Леонова С.Ф. 20 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 50 об.

⁴⁹ Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР (Утверждено Политбюро ЦК ВКП(б) 5 июля 1941 г.) О порядке эвакуации населения в военное время. С. 138.

В оценке сложности задания директор завода явно ошибался. Начальник эшелона должен был поддерживать порядок в коммунальной квартире на колесах, населенной, как выяснилось, очень разными и прежде не знакомыми между собой мужчинами, женщинами и детьми; обеспечивать их продуктами питания на эвакуопунктах и даже водить в баню.

Задача осложнялась тем, что к поездке многие из них были совершенно не готовы. Эшелон, как уже упоминалось несколько раз, отбыл со станции Кашин. Город Калинин был сдан врагу 14 октября 1941 г.⁵¹

«13 октября 1941 года мы из г. Калинина неорганизованным порядком, все, как могли, выбрались, и нас всех собрали в г. Кашино, вернее не всех, а тех, кто пришел», – говорил на допросе В.В. Азаров⁵². В этот город перешли и областные власти, в частности, аппарат Калининского обкома, который и руководил эвакуацией.

Расчетное время до г. Молотова по директивным документам составляло 5–7 суток⁵³. Но партийные начальники в Калининской области были людьми опытными и снабдили эшелон продовольствием и иными припасами на 10 суток. Пассажиры получили пайки (на самом деле, выкупили их. Некоторые в предлагаемом продуктивном наборе отказались от мяса из-за его высокой цены, на Кашинском рынке можно было купить его дешевле):

При отъезде из Кашина я получил на эшелон на каждого человека по 8 кг хлеба, давали нам мясо и картофель, но никто не взял, так как снабжение это было за плату, а мясо там на базаре было дешевое: 10–12 рублей за килограмм баранины»⁵⁴.

Поезд шел до г. Молотова более трех недель.

---

⁵⁰ Протокол судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам Молотовского областного суда от 28 марта 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 79.

⁵¹ «14 октября к Калинину подошли танковая дивизия и моторизованная бригада противника. Противнику удалось оттеснить не успевшую закрепиться на южных подступах к Калинину 5-ю стрелковую дивизию и с ходу захватить город» (Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.). С. 286).

⁵² Протокол допроса Азарова В.В. 15 декабря 1941 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 11 об.

⁵³ «Скорость продвижения поездов с оборудованием НКПС'ом установлена 400 км в сутки, фактически же по вине НКПС поезда с эвакуированным оборудованием продвигаются со скоростью 200 км в сутки, а в отдельных случаях менее 100 км» (Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. С. 142).

⁵⁴ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 3 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 47.

До станции Буй ехали более-менее сносно, но с Буя было хуже, продовольствие все вышло, а пополнить запасы было негде, так как на эвакуопунктах почти не останавливались, а останавливались на мелких полустанках, где приобрести продукты было очень трудно. Вследствие недостатка продуктов возникали ссоры между мной и моими людьми⁵⁵.

Надо сказать, что уровень конфликтности в вагоне был, действительно, настолько велик, а ссоры и споры между его обитателями – столь бурными и частыми, что это требует какого-то объяснения. Тем более, что в эшелоне не голодали, а скорее недоедали.

Я вижу несколько причин для формирования подобной накаленной ситуации. Начну с простой. Вагон был переполнен. Слишком тесное общение 36 незнакомых мужчин и женщин разного возраста, образования и социального положения располагало к конфликтам, к тому же в условиях незанятого времени. Судя по документам, в теплушке даже газет не читали; кто-то спал на нарах, кто-то хрустел хлебной коркой, кто-то увещевал детей или просто кричал на них. Все занимались своими делами, общего дела, кроме разговоров у печки, не было, да и они вскоре опостытели. Поддерживать более дружественную атмосферу В.В. Азаров не умел, тем более что и сам пребывал все это время в ситуации стресса. Он совсем недавно потерял семью: перед самым началом войны его близкие уехали к родственникам в Орловскую область, а потом от них перестали приходить письма. Василий Азаров добился у директора командировочного удостоверения, выхлопотал бумаги у военного коменданта, чтобы начать поиск семьи.

24 сентября я выехал из Калинина. Однако дальше Брянска мне пробраться уже не удалось и 12 октября, после различных трудностей в пути, я возвратился в Калинин⁵⁶.

Азаров успел вернуться в город буквально в последний момент и застал

уже подготовку завода к эвакуации: снимали станки и оборудование. Однако, уже было поздно: немцы уже вступили в предместье города, спустив десант на Михайловский аэродром и обстреливали оттуда завод. И

---

⁵⁵ Протокол судебного заседания судебной коллегии по уголовным делам Молотовского областного суда от 28 марта 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 77 об.

⁵⁶ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 15 декабря 1941 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 46–46 об.

по заводу была дана команда: оставить все и уходить. Мы так и сделали и ушли, и наш завод был взорван нашими частями⁵⁷.

Собственно, ни о чем другом, кроме пропажи без вести своей семьи, Василий Азаров говорить не мог. Он все пытался по сводкам Информбюро узнать, что происходит в Орловской области: она все еще в советском неглубоком тылу или уже в немецком, или в ней идут ожесточенные бои. Однако детальной информации не было.

Я не могу по данным Информбюро установить, занята или нет та территория, на которой находится моя жена⁵⁸.

Так Азаров объяснял на следствии свои высказывания. Однако в вагоне он был куда более дерзким. Попутчица давала следующие показания:

Тут Азаров сказал, что сводки нашего информбюро лживые, неправильные, им нельзя верить, так как из них ничего правды не узнаешь⁵⁹.

Каково это было слышать партийке из коминтерновцев⁶⁰, бывшей студентке Коммунистического университета национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского (КУНМЗ), отсидевшей два года в Калининской тюрьме и ожидавшей расстрела по 6 пункту все той же 58 статьи, шпионаж⁶¹? Мужа расстреляли, а ее внезапно освободили в 1939 г. и даже восстановили в партии⁶². В следственных документах, впрочем, эта свидетельница называется беспартийной. В ходе вагонных разговоров она видела перед собой представителя родной власти, члена ВКП(б), рассказывавшего, что в США безработные живут лучше советских инженеров, получают большое пособие, и товары там дешевле, что советские газеты врут, и, если бы сегодня собрали съезд советов, он бы разогнал все правительство⁶³. Что она могла о нем думать:

---

⁵⁷ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 15 декабря 1941 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 46–46 об.

⁵⁸ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 30 декабря 1941 года // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 40 об.

⁵⁹ Протокол допроса свидетеля Б.Э.А. 20 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 52.

⁶⁰ Имя этой женщины специально не указывается, поскольку из материалов дела понятно, что именно она написала донос на Азарова.

⁶¹ См.: Уголовный кодекс. С изменениями на 1 декабря 1938 г. С. 31.

⁶² См.: Книга памяти жертв политических репрессий Калининской области. Подготовительные материалы к 3 тому / под редакцией Е.В. Вартановой. Тверь: РЭД, 2006.

⁶³ Ср. с высказыванием И.В. Сталина на приеме в Кремле 24 мая 1945 г.: «Какой-нибудь другой народ мог бы сказать: ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, уходите прочь,

провокаатор, скорее всего, или беспросветный дурак, который всех погубит, а у нее на руках – трое детей. А еще он всю дорогу ест хлеб с маслом⁶⁴. Написать на него заявление – единственный способ спасти если не себя, то детей. И два товарища по партии – Эсфирь и ее старая подруга, Анна Васильевна – так и поступили.

Личный конфликт мог послужить импульсом для того, чтобы придать вагонной болтовне контрреволюционное содержание. Заметим, однако, что по меркам того времени вынужденные попутчики на самом деле говорили много лишнего, явным образом крамольничали: вольно рассуждали о военном положении, подвергали сомнению правдивость сводок Информбюро, бранили правительство, а американские порядки, напротив, хвалили, передавали друг другу слухи о былых конфликтах между И.В. Сталиным и Климом Ворошиловым:

...и (В.А. – Ю. К.) Сакны нам доказывал, что «в момент финской войны 1939 года у т. Сталина и Ворошилова вышли крупные разногласия, так как Ворошилов был на стороне того чтобы Финляндию разбить полностью, а т. Сталин был против этого, и между ними произошел раскол, за что Ворошилова понизили в должности, и этот раскол у них есть до настоящего момента». Это Сакны высказывал так же открыто и без всякого стеснения⁶⁵.

Впрочем, следователь районной прокуратуры в этих словах электромонтера Калининского вагоностроительного завода состава преступления не обнаружил и предложил дело не возбуждать⁶⁶.

Отметим одну любопытную деталь. И Василий Азаров, и те, кто ему возражал, упоминали съезд советов как действующую институцию; они расходились только в том, целесообразно его собирать сейчас или нет. Никто из них не вспомнил, что по Конституции, действовавшей уже в течение пяти лет, такого органа государственной власти больше не существовало. Такая забывчивость могла быть результатом стресса, в котором пребывали и В.В. Азаров, и партийные женщины, и собственно все их попутчики по

мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду» (*Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Москва: АИРО-XX; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. С. 472–473).

⁶⁴ См.: Протокол допроса свидетеля Б.Э.А. 20 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 51–52.

⁶⁵ Протокол допроса свидетеля Б.Э.А. 15 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 23–24.

⁶⁶ Постановление следователя прокуратуры Орджоникидзевского района г. Молотова. 26 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 38 об.

эвакуации. Все они вынужденно покинули обжитые места и отправились на восток, на Урал, в тайгу, по пути административно высланных в 1930–1934 гг. раскулаченных крестьян, не имея ни малейшего представления о том, что их там ожидает. Особенно тяжким этот путь был для пассажиров, не имевших возможности эвакуироваться вместе со своими родственниками. В протоколе допроса свидетеля читаем:

Я находилась от всех в стороне: все ехали со своими мужьями, а я только – с детьми, муж мой на фронте, никто обо мне по дороге не заботился, и я точно была обиженной⁶⁷.

Снабжение продуктами питания, мылом и остальными необходимыми вещами зависело от графика следования эшелона, останавливавшегося не на всех эвакуопунктах. В.В. Азаров рассказывал:

Нередко бывали случаи, что поезд проезжал мимо пунктов питания и останавливался где-нибудь километров за 20, стоял сутками⁶⁸.

Эта затяжная поездка превратилась в настоящее испытание для эвакуируемых. Постоянная нехватка хлеба и других продуктов, невозможность помыться, теснота, холодная ноябрьская погода провоцировали обиды и ссоры, порождали слухи о том, что кто-то в соседнем вагоне ест вдоволь за счет других:

В то же время в соседнем вагоне хлеб получали с избытком, и давали масло, даже на 17-летнего получили. Мне же не дали и на моего 8-летнего. А тот вагон тоже входил в наш эшелон. Когда же обращались к Азарову по поводу хлеба, что дети голодные, он отвечал, что он не нянька, чтобы бегать за хлебом⁶⁹,

– обиженно рассказывала впоследствии одна из пассажирок. Недовольство эвакуированных усиливалось и рассказами об увиденном кем-то пассажире из соседнего вагона, спекулировавшем хлебом. В одном из протоколов допроса читаем:

---

⁶⁷ Протокол допроса свидетеля Изотовой Е.А. 21 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 59 об.

⁶⁸ Протокол допроса обвиняемого Азарова В.В. 3 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 47.

⁶⁹ Протокол допроса свидетеля Изотовой Е.А. 21 января 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 59 об.

Он (Азаров. – Ю. К.) пошел в районные организации ходатайствовать насчет продуктов питания. С ним вместе пошел его товарищ Сакны и ряд других близких знакомых. Они ушли утром и вернулись в час ночи и никаких продуктов питания для нас не получили и даже нас не снабдили хлебом, так как оказалось, что полагающийся нам хлеб на эвакуопункте на нас получен на всех и, кроме того, получено было на всех по 100 гр. масла на каждого, а также и сыр <...> потом оказалось, что один работник снабжения наш хлеб продавал <...> продавал хлеб 2,5 буханки по 60 рублей. Азаров об этом знал, и ему начальник станции доказал, что хлеб на нас получен, но он не принял никаких мер, и эти безобразия были на каждой остановке, так как люди были преданы сами себе⁷⁰.

В жалобах пассажиров, донесших на В.В. Азарова по прибытию поезда в г. Молотов, он представлен безразличным и безответственным начальником, виновным чуть ли не во всех тяготах эвакуации до г. Молотова: «Как начальник эшелона Азаров мало заботился о народе, вследствие чего народ голодал»⁷¹.

Пораженные коллективной травмой люди пытались в разговорах, часто крамольных, растолковать друг другу, что же все-таки произошло, почему они потеряли близких, завод, имущество и должны куда-то ехать; искали виновных среди товарищей по несчастью, жили слухами и не доверяли никому, прежде всего начальству – маленькому, доступному и потому еще более подозрительному в части самой главной привилегии: есть за счет других. Жилой вагон в эвакуационном эшелоне был своего рода лакмусовой бумажкой общественной ситуации в тылу в 1941 году, настроений обывателей, их ожиданий и тревог. В их разговорах, прежде всего о хлебе насущном, но также и о «политике», мы обнаруживаем срез коллективного сознания, поврежденного социальной катастрофой. Людям было важно понять, кто или что виновато в военных поражениях: «меньше надо было заниматься политикой, а больше делать»⁷². Они с недоверием относились к военным сводкам, больше доверяя личным впечатлениям – пусть даже в пересказе. Но даже осужденному по ст. 58. ч. II инженеру В.В. Азарову не вменили в вину пораженческие настроения⁷³. В анализируемой ситуации мы наблюдали

---

⁷⁰ Протокол допроса свидетеля Таранович А.О. 16 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 21 об.–22.

⁷¹ Прокурору Орджоникидзевого района от Б.Э.А., работающей на Крюковском вагоностроительном заводе. Объяснение. 9 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 4.

⁷² Прокурору Орджоникидзевого района от Т. Анны Осиповны. Объяснение. 9 декабря 1941 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 5.

⁷³ В.В. Азаров был осужден решением судебной коллегии по уголовным делам Молотовского областного суда 28 марта 1942 года к лишению свободы сроком на 10 лет. Без

социальную апатию, укоренившееся желание держаться в стороне от какой бы то ни было политики, погруженность в личные заботы, но отнюдь не психологическую готовность принять оккупационный режим или пойти на мировую с германцем.

Заключение

Ю. К., О. Л.: Крюковский вагоностроительный завод стечением военных обстоятельств объединил две истории из эвакуации. В первой мы попытались увидеть ее организационную сторону. Во второй – описали то, что можно было увидеть и услышать в эшелоне от социально травмированных людей, пребывавших в вынужденном безделье. Эти истории связаны не только временем, местом и ситуацией. Если отвлечься от деталей, мы обнаружим в них один и тот же драматический, точнее, трагедийный сюжет – судьбы людей в условиях социальной дезорганизации. Налицо противоречие. Властные структуры и аппараты на месте. Они функционируют, распоряжаются, дисциплинируют; но то, что они в итоге производят, есть лишь видимость порядка, но отнюдь не порядок. Административная вертикаль оборачивается множеством учреждений и лиц, отдающих противоречивые приказы. Временные графики не соблюдаются. Заводское начальство следует традиционно заданному алгоритму: созывает совещания, утверждает перечень мероприятий, отчитывается в проделанной работе, а в итоге вынуждено оставить производственное оборудование и материалы, загрузить эвакуационные эшелоны случайными людьми. Люди, обнаружившие в своем личном пространстве приметы обступающего хаоса, глубоко им травмируются. Они утрачивают способность описать ситуацию и свое место в ней большевистским языком, не верят газетам и обращаются к «заснувшим» на долгое время практикам осмысления и говорения, опирающимся на личный опыт либо на рассказы бывалых людей. Их беспокоят судьбы страны и семьи. Раздражение, апатия и страх формируют коллективную психологическую общность. Такая гнетущая атмосфера оборачивается ссорами, взаимными жалобами, наконец, разоблачениями. Человек, попавший в силовое поле социальной дезорганизации, стремится во что бы то ни стало сохранить свой статус, но при этом опроцается, преступая поверхностно освоенные им нормы советского общежития.

конфискации имущества «...за неимением его». Из лагеря не вышел. См.: Приговор судебной коллегии по уголовным делам Молотовского областного суда от 28 марта 1942 г. // ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15727. Л. 82 об.

Introduction

Yu. K., O. L.: The history of evacuation of industrial enterprises and people in 1941–42 has been studied from multiple perspectives, from economical to psychological.¹ Key sources have been published: directives of government authorities, party reports, reports of economic institutions, recollections of planners, participants, and witnesses.²

---

¹ M.A. Baranov, and V.F. Starodubtsev, *Conversion to War. Economic Confrontation during the Ordeal of 1939–1945* [in Russian] (Moscow: Ekonomika, 2005); E. Bulyulina, "Evacuation and Re-evacuation of Farm Animals in the Stalingrad Region in 1941–1943" [in Russian], *Kul'turnyi kod*, no. 1 (2025): 112–24, <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2025-1-112-124>; V.S. Khristoforov, ed., *The Great Patriotic War. 1941: Studies, Documents, Commentaries* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvyy, 2011); E.F. Krinko, I.G. Tadzhinova, and T.P. Khlynina, *Private Life of a Soviet Person during the War: Space, Boundaries, and Mechanisms of Implementation* [in Russian] (Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2013); G.A. Kumanev, "War and Evacuation in the USSR in 1941–1942" [in Russian], *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6 (2006): 7–27; M.I. Likhomanov, L.T. Pozina, and E.I. Finogenov, *Party Leadership of Evacuation in the First Period of the Great Patriotic War, 1941–1942* [in Russian] (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985); M.G. Nechaev, "Evacuation of Scientific, Educational, and Cultural Institutions to the City of Molotov (Perm) during the Great Patriotic War" [in Russian], *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*, no. 5 (2022): 16–40, <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>; M.N. Potemkina, *'Plucked Out': Personal Perceptions of Evacuation during the Great Patriotic War* [in Russian] (Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova, 2016); M.N. Potemkina, *Evacuation during the Great Patriotic War: People and Fates* [in Russian] (Magnitogorsk: MaGU, 2002); T.A. Safonova, "Reception and Accommodation of Evacuated Population in Western Siberia in 1941–1942" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (spetsvyпуск)*, iss. 4 (20) (2000): 122–25; N.S. Simonov, *Military-Industrial Complex of the USSR in the 1920s–1950s: Economic Growth Rates, Structure, Production Organization, and Management* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1996); A.S. Smykalin, "Political Sentiments of the Population Evacuated to the Urals during the Great Patriotic War (Based on the Materials of Military Censorship)" [in Russian], in *Role of State Security Agencies and Troops in Achieving Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the Regional Scientific Conference (Yekaterinburg, February 25–26, 2005)* (Yekaterinburg, 2005), 51–55; B. Fizeler, and R.D. Markvik, comps., *The Soviet Rear, 1941–1945: Everyday Life during the War Years* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019); *Special Trains Go to the East (From the History of Relocation of Productive Forces of the USSR in 1941–1942): A Collection of Articles and Memoirs* [in Russian], ed. Yu.A. Polyakov et al. (Moscow: Nauka, 1966).

² "Dokladnaya zapiska sekretarya Molotovskogo obkoma VKP(b) po mashinostroitel'noi promyshlennosti P.Z. Subbotina sekretaryu Molotovskogo obkoma VKP(b) G.A. Denisovu po voprosu razmeshcheniya i montazha oborudovaniya evakuirovannykh predpriyatii, pribyvshikh na zavody mashinostroitel'noi promyshlennosti Molotovskoi oblasti" [Memo from Secretary of the Molotov Oblast VKP(b) Committee for the Machine-Building Industry P.Z. Subbotin to Secretary

It is undeniable that in terms of scale and significance, Soviet evacuation to the east of the country is an unprecedented series of administrative and economic operations conducted in the shortest possible time frame without any initial preparation. "Antebellum mobilization plan did not provide for massive evacuation transportation in case of war."³ The researchers deal with an improvisation of a grand scale comparable in scope and significance with the country's industrialization. It was not only about leaving no piece of industrial equipment to the enemy and prevent him from utilizing the infrastructure of national economy along with agricultural products. The key objective was to reestablish factory production in new territories. Until 1943, German military intelligence – the Abwehr – strongly believed that such a problem was unsolvable for the Soviet economy and continued collecting new pieces of intelligence from collaborators.⁴ In turn, the Soviet press passionately presented evacuation as the story of acts of greatest success and unparalleled heroism.

---

of the Molotov Oblast VKP(b) Committee G.A. Denisov on the issue of placement and installation of equipment of evacuated enterprises that arrived at the plants of machine-building industry of Molotov Oblast]. F. 105, op. 7, d. 58, ll. 129–136. Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Perm State Archive of Socio-Political History] (PermGASPI), Perm, Russia; "From the Resolution of the Central Committee of the VKP(b) and the Sovnarkom of the SSSR on Establishing the Evacuation Council. June 24, 1941" [in Russian], in *CPSU in Resolutions and Decisions of the Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee, 1938–1945*, vol. 7, 1938–1945 (Moscow: Politizdat, 1985), 212; A.I. Mikoyan, "In the Evacuation Council" [in Russian], *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 3 (1989): 31–38; "Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR (Approved by the Politburo of the VKP(b) Central Committee on July 5, 1941 g. 'On the Procedure of Evacuating the Population in Wartime'" [in Russian], in *At the Headquarters of the Victory. 1941–1945. Documents*, ed. A.K. Sorokin, bk. 1, 1941. "Arise, Vast Country" (Moscow: Nauchno-politicheskaya kniga, 2020), 36–140; J.V. Stalin, "Memo to Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine N.S. Khrushchev. July 10, 1941" [in Russian], *Istochnik*, no. 2 (1995): 113; N.S. Khrushchev, "The Central Committee of the VKP(b) to Comrade Malenkov. July 9, 1941 g." [in Russian], *Istochnik*, no. 2 (1995): 112; N.S. Khrushchev, *Time. People. Power (Memoirs)*, bk. 1 (Moscow: Moskovskie novosti, 1999).

³ Potemkina, *Evacuation during the Great Patriotic War*, 16.

⁴ For instance, Red Army soldier M. Zykov, a former journalist, who was captured in the summer of 1942 near Kharkov, being behind the barbed wire, wrote a report under the title "Imminent Collapse of Soviet Economy" addressed to the German command. He was immediately released from the camp and "sent to Berlin to serve in the eastern propaganda department of the Wehrmacht" ("Transcript of Interrogation of A.A. Vlasov on March 26, 1946 g." [in Russian], in *General Vlasov: History of Treason*, vol. 2, bk. 1, *From the Investigation File of A.A. Vlasov*, ed. A.N. Artizov (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2015), 72). The Abwehr officers were not bothered either by Zykov's supposed affiliation with political division of the Red Army or by his racial identity. They were impressed by one of the points in the report: "Moscow's industry was effectively destabilized – it suffered not so much from the aerial bombardments, as from evacuation during the days when Moscow was on the verge of falling. . . And every worker, let alone engineer, understands that it is virtually impossible to disassemble the machinery of the largest plant within

Even nowadays, in present day literature we can still observe statements infused with party zeal:

...each facility knew full well where it was evacuated whereas those who received them knew who would arrive and in what numbers. Factory buildings were already being constructed. Along the entire route everyone knew which trains would arrive and the approximate time of their arrival, they were preparing spare locomotives, coal, food. . .⁵

But such assessments can be considered marginal within the context of a larger historical narrative, in which evacuation is perceived as a social drama, a tragic wartime story of many people, an origin of collective traumatic experience for those who left and for those who stayed and who took into their homes the "plucked-out" (a colloquial but accurate definition common in the Ural region) women and men who left their native lands not by their own volition.

What can a historian possibly do after reading through numerous studies on the evacuation? Include factual evidence, attach his own evaluation of the activity of some of its organizers. We chose a different approach, suggested by the already proven effective method of microhistorical analysis; we narrowed the distance between ourselves and the subject of our research, that is, established the observation posts directly in the heated freight car of a train en route from Kalinins Oblast to the city of Molotov. We did the same thing in the small office of the Kryukov carriage works during the summer and the autumn of 1941, employing the trope of metonymy or synecdoche, so well-known to philologists. By that we mean replacing the description of an object or a phenomenon with a description of its most distinctive or outstanding aspect. "Metonymy is a part representing the whole."⁶ For philologists, metonymy is a stylistic device, a trope. Historians adopt a different vocabulary, the one that has no place for tropes, synecdoche or metonymy, but there is a similar method, implemented within microhistory. Its purpose is to find the narrative that is most suitable for understanding a certain historical case, to analyze it thoroughly, and present an overall pattern based on the study. But it raises the issue of sources. Typically, narratives worthy of research were presented by either the witnesses of the

---

3–4 days. The idea was not to disassemble for further use, but to destroy the equipment lest it should fall in the hands of the Germans. Obviously, this was carried out without a plan, sloppily, in haste and confusion" (N. Moskvich (M.A. Zykov), *Imminent Collapse of Soviet Economy. December 1942* [in Russian] (Berlin: [n. p.], 1943), 16, 28).

⁵ I.V. Karavaeva, ed., *Economic Foundation of Victory: Parallels of History and Modernity* [in Russian] (Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2015), 121.

⁶ B. Paramonov, and I. Tolstoi, *Bedlam as Bethlehem: Conversations of Lovers of the Russian Word. A Philosophical Commentary on Russian Literature* [in Russian] (Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017), 115.

events in their diaries and letters (so-called ego-documents) or by newspaper satirists, or by authority agencies if we are to speak the language of the bygone era. Any criminal case is a description of a deviant or delinquent, but always peculiar, extraordinary case that unveils the everyday life (in our instance, the everyday life of evacuation).

Such an approach makes it impossible to have a clear view on history, but we do not intend to do so. Our objective is to reconstruct particular cases, individual narratives, events that are significant for a small community of people and individuals, since, in our opinion, such episodes shape a picture of the era even if details uncovered in them do not recur at another place and another time.

We rely on the investigation case files stored in two archives: in the fonds of the oblast prosecutor's office (State Archives of Permskii Krai) and the in the fonds of archival investigative cases (Perm State Archives of Socio-Political History). Being aware of the investigation methods, the accusatory bias, and the specifics of the case file selection, we nevertheless adhere to the presumption of credibility of the information gathered. There was no evidence of obvious fabrication, which allows us to use their files to reconstruct two narratives that shed additional light on the evacuation. We consider the conclusions of S. Shevyrin on the possibility of using investigatory files to study evacuation efforts to be fully substantiated.⁷ The stories collected in the article relate to different events. Their characters were unlikely to know each other. For a short time, they were united by the Kryukov carriage works, which had been evacuated to the city of Molotov and found temporary refuge in the suburban village of Levshino, as well as by the criminal cases filed against them by the oblast NKVD directorate and then by the district and later the oblast prosecutor's office.

Main body

In the offices

O. L.: We started by looking through the post "History of Ordzhonikidzevskii district of Perm" published in a group in the social network VK. Someone brought up the topic of half-flooded plant or rather what was left of it near the Kislotnyi railway site. In a post made by a local resident interested in the history of his area, we read:

---

⁷ See S.A. Shevyrin, "Archival Investigation Files of the NKVD as a Source Supplementing the History of Evacuation (A Case Study of Molotov Oblast)" [in Russian], in *November Historical and Archival Readings – 2019: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference "The Great Patriotic War. 1941–1945. On the 75th Anniversary of Victory"* (Perm, November 7–8, 2019), ed. S.V. Neganov (Perm: Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii, 2020), 480–86."

In the nineties, my father and I used to go fishing for crucian carps at the lakes located between KamGES substation, the dam, and the garage used as a liquor store. So, there were half-flooded concrete ruins, a red brick booth, valves of some pipelines in the middle of the forest. My father said that it was the Kryukov plant which was evacuated during the war.⁸

Another person shared his memories:

The lakes formed on the site of several excavation pits, dug specifically for foundations. At the center of the swamps there appeared to be a boiler room; one could see the remains of coal slag. Not a lot of reinforced concrete scrap left. During the rainy seasons, the water cut off the central part from the "mainland" . . . Crucian carps were common in very few places. There's also bindweed and minnow. These concrete ruins stood in the middle of the swamps and there was no way to approach them. But the red brick booth was quite accessible. People often used to hide there from the rain.⁹

A red brick booth is all that remains of the Kryukov carriage works, which was evacuated to Molotov in the autumn of 1941. By accessing the Database of Industrial Enterprises Evacuated to Molotov Oblast during the Great Patriotic War at the Perm State Archive of Socio-Political History, we found the extant data about it. We were astonished that the workers of the works who arrived to build railcars, did not produce cargo platforms or gondola cars, which was their area of expertise, but manufactured aerial high-explosive bombs instead at the site of superphosphate plant no. 90 named after Sergo Ordzhonikidze. In accordance with the mobilization plan of the People's Commissariat of General Engineering of the USSR, the production of aerial bombs was assigned to facilities of other industrial departments.

The factories of the former Glavsel'mash were converted for mass production of mine shells; the plants of the former Glavkhimmash, for serial production of mine shells, aerial bombs, and artillery rounds.¹⁰

The Kryukov carriage works produced different type of ware. "By the 20th anniversary of the Great October Socialist Revolution, the Kryukov workst

---

⁸ "History of Ordzhonikidze district of the city of Perm" [in Russian], accessed January 14, 2025, https://vk.com/wall-32134480_1381?ysclid=m746z4vyaz863254657

⁹ "History of Ordzhonikidze district of the city of Perm" [in Russian], accessed January 14, 2025, https://vk.com/wall-32134480_1381?ysclid=m746z4vyaz863254657

¹⁰ Simonov, *Military-Industrial Complex of the USSR*, 139.

became one of the largest enterprises in the transport engineering industry.”¹¹ However, on April 8, 1941, the People’s Commissariat of Medium Engineering was instructed to place orders for aerial bombs and fuses at its facilities.¹²

While attempting to explain such a discrepancy, we found the following note:

Construction equipment for railway cars had not been installed by January 1, 1942, due to a lack of available space. Despite the decision made by the Council of People’s Commissars as of November 17, 1941 to build a rail carriage plant in the city of Molotov, the People’s Commissariat of Medium Engineering did not select a proper site for it.¹³

The explanation seems far-fetched, since the city of Molotov stretched along the banks of the Kama River along the railway line from east to west and from north to south and occupied an area of 800 square kilometers. It had many wastelands, forests, copses, and other undeveloped places included in its territory. Most likely, the problem lied elsewhere (in the lack of necessary equipment and qualified staff). We can find a confirmation for this assumption in the report of the oblast committee secretary:

The Kryukov works was placed on the site of an acid factory. The equipment arrived incomplete. Some equipment was left behind. . . Installation works took more than a month. The proper control over the plant was not established. The manufacture of products (namely FAB-100) is planned from November 8, 1941.¹⁴

---

¹¹ “Carriage Engineering in the Years of the First Five-Year Plan Periods. The Development of Carriage Works” [in Russian], 1520mm.ru, accessed January 13, 2024, <https://www.1520mm.ru/railcars/carloadPlants-1929-1941.phtml>

¹² “From the Order of the People’s Commissar for Medium Machine-Building ‘On Placing Orders for Aerial Bombs and Detonators.’ April 8, 1941” [in Russian], in *The Year 1941*, bk. 2, comp. L.E. Reshin et al. (Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiya”, 1998), 51–52.

¹³ “Baza dannykh promyshlennykh predpriyatii, evakuirovannykh v Molotovskuyu oblast' v period Velikoi Otechestvennoi Voiny. Kryukovskii vagonoremontnyi zavod” [Database of industrial enterprises evacuated to Molotov Oblast during the period of the Great Patriotic War. Kryukov Carriage Repair Works]. F. 1, op. 22, d. 285, l. 34; F. 105, op. 7, d. 58, ll. 133–134; F. 105, op. 8, d. 97, ll. 150–151; F. 105, op. 8, d. 107, ll. 28–36. PermGASPI. Accessed January 10, 2025, <https://bank.permgaspi.ru/card.php?i=127&e=57>

¹⁴ “Dokladnaya zapiska sekretarya Molotovskogo obkoma VKP(b) po mashinostroitel'noi promyshlennosti P.Z. Subbotina sekretaryu Molotovskogo obkoma VKP(b) G.A. Denisovu po voprosu razmeshcheniya i montazha oborudovaniya evakuirovannykh predpriyatii, pribyvshikh na zavody mashinostroitel'noi promyshlennosti Molotovskoi oblasti” [Memo from Secretary of the Molotov Oblast VKP(b) Committee for the Machine-Building Industry P.Z. Subbotin to Secretary of the Molotov Oblast VKP(b) Committee G.A. Denisov on the issue of placement and installation

The issue of "incomplete equipment" was addressed by the economic department of the NKVD directorate for Molotov Oblast in November 1941. A criminal case was initiated under Article 58-14 of the Criminal Code of the RSFSR against the plant management who had arrived in the city: the head, his deputy, and the chief engineer. The investigation did not confirm the existence of a "purposeful intent to weaken the government's authority and the activity of the state apparatus. . ." The prosecutor's office determined that there was "no evidence to hold N.D. Gavrilov, A.A. Gertsev, and P.A. Reznichenko liable under Article 58-14 of the Criminal Code" and found "indications of crimes under Article 111 of the Criminal Code of the RSFSR."¹⁵

A document taken from the official correspondence of two penal authorities became our main source for understanding how the evacuation of a Union-scale facility from a rayon center in Poltava Oblast to the city of Molotov was carried out. To avoid any potential geographical confusion, let us clarify straight away. The plant was located on the right bank of the Dnieper River within the administrative boundaries of Kremenchug, a raion city in Poltava Oblast. In the 18th century, it was a separate settlement, Kryukov Posad. Later on, it became part of the city but retained its historical toponym.

Therefore, the evacuation was carried out from Kremenchug across the bridge over the Dnieper.

The document states the following:

In early July 1941, having returned from Poltava, Gavrilov (the head of the plant – O. L.) called a meeting of the workshop managers and department heads of the plant's management. The evacuation plan was on the meeting's agenda.

---

of equipment of evacuated enterprises that arrived at the plants of machine-building industry of Molotov Oblast]. F. 105, op. 7, d. 58, l. 133. PermGASPI.

¹⁵ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 47. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia [State archive of Perm Krai] (GAPK), Perm, Russia. Article 58-14 mentioned in the letter was taken from the special section of the Criminal Code of the RSFSR, which was in effect in 1941, and prescribed punishments "under extremely aggravating circumstances" up to and including execution for "counterrevolutionary sabotage," i.e. deliberate failure to comply with certain duties or intentional negligence with the specific purpose to undermine the power of the government and the activity of the state apparatus." Article 111 of the Criminal Code of RSFSR was a part of the Official Crime (Malfeasance) section. it stipulated the crime as "negligent attitude towards one's duties, meaning careless or malicious approach to the duties assigned to person's position of service, resulting in red tape, slow-down of proceedings and reporting, and other mismanagement assuming the same patterns" and prescribed punishment of "imprisonment for up to three years" (*Criminal Code. With Amendments as of December 1, 1938: Official Text with the Appendix of Materials Structured by Articles* [in Russian] (Moscow: Yuridicheskoe izdatel'stvo pri NKYu SSSR, 1940), 32, 62).

Gavrilov ordered the workshop managers to prepare specialized crews of workers to dismantle the machinery and equipment for loading into railcars. At the same time, the head of transport was instructed to properly organize the railway vehicles. Head of the special department Dorofeev was asked to draw up a detailed evacuation plan for the plant and its workers.¹⁶

Let us focus our attention on the date, the first days of July when the troops of the Southwestern Front held back the Wehrmacht's offensive hundreds of kilometers from Kremenchug. Nevertheless, having received the necessary instructions from Kiev, the oblast authorities, gave the order to prepare for evacuation.

During those days, N. Khrushyov, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine, was hastily organizing a militia, demanding rifles from Moscow, but instead he received the following orders: ". . .make spades and knives. Fight tanks with bottles filled with gasoline." Later in his memoirs, he spoke about that period, "Still, the confidence in our survival was low because we had no weapons and no army at all."¹⁷ In Kremenchug, a people's militia division was organized by order of the Kharkov Military District only on July 31. The total number of combatants was about 3,000 people, consisting of three regiments and led by skilled commanders of the Red Army. The workers and engineers of the Kryukov works were enlisted in the third regiment. Nothing more is known about that military unit. "The lists and documentation of the Kryukov works militia are still not accessible and their location is unknown."¹⁸

The Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine requested a permission from G. Malenkov to carry out the following steps:

Within the radius of 100–150 kilometers, it is crucial to destroy all valuable equipment in plants, grain in warehouses, and other goods that could not be evacuated in a situation of the Red Army's forced retreat.¹⁹

It also meant the beginning of a total evacuation of facilities located deep in the rear. In the capital city, the evacuation of plants, factories and educational establishments

---

¹⁶ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 146. GAPK.

¹⁷ Khrushchev, *Time. People. Power*, 321.

¹⁸ *Book of Remembrance of the Kremenchug Division of the People's Militia* [in Russian], kremenhistory.org.ua, accessed January 31, 2025, <https://kremenhistory.org.ua/kniga-pamjati-kremenchugskoj-divizii-narodnogo-opolchenija/>

¹⁹ Khrushchev, *Time. People. Power*, 112.

together with workers and their families began as early as on June 29. "Three hundred twenty-five residents of Kiev moved eastward."²⁰

Even if the authorities of the Poltava Oblast Committee of the Communist Party of Ukraine were not aware of that plan in detail, they shared the general sentiment that reigned in the party leadership and issued the appropriate instructions but not written directives.

Instead of G. Malenkov, J. Stalin replied. Whatever the case, it was he who signed the letter where the first lines were: "Your suggestions to destroy all property go against the guidelines given in Comrade Stalin's speech," and the conclusion was:

As for the evacuation of factories beyond the 70-verst zone, where there is no direct threat from the enemy yet, this evacuation should be carried out beforehand, primarily transporting machinery and other most valuable equipment.²¹

By mid-July the battlefield was stabilized. The troops were withdrawn to new defensive lines "25 kilometers northwest of Kremenchug."²² Meanwhile, the Kryukovs plant had been prepared for evacuation for a month: "202 two-axle railcars, four steam locomotives, and two cranes" were allocated. The departure date was set for August 3. "At the end of July 1941, Gavrilov called a second meeting to ascertain compliance with the instructions on preparing the plant for evacuation."²³

On the same day, an order from People's Commissariat of Medium Engineering of the USSR arrived. It "strictly prohibited the evacuation of plants without special authorization from Deputy People's Commissar Comrade Vovk."²⁴

---

²⁰ D. Malakov, "'On June 22, at Four O'clock Sharp...'" (Something from the History of Kiev of That Time" [in Ukrainian], *Viis'kovo-istorychnyi al'manakh. Chasnovnyk – Tsentral'nyi muzei Zbroinykh Syl Ukrayiny*, no. 1 (2006): 71–72.

²¹ Stalin, "Memo to Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Ukraine N.S. Khrushchev," 113.

²² Lieutenant General S.P. Platonov, ed., *Operations of the Soviet Armed Forces in the Period of Repelling the Attack of Nazi Germany on the USSR (June 22, 1941 – November 18, 1942)* [in Russian] (Moscow: Voenizdat, 1958), 163.

²³ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 146. GAPK.

²⁴ *Ibid.*, l. 147. Aleksandr Grigoryevich Vovk was appointed Deputy People's Commissar for Medium Machine-Building of the USSR on June 3, 1940 ("Decree of the Sovnarkom of the USSR on the Appointment of Comrade Vovk Deputy People's Commissar for Medium Machine-Building dated June 3, 1940, no. 952" [in Russian], in *Collection of Resolutions and Decrees of the Government of the USSR for 1940* (Moscow: [n. p.], n.d.), 584). In 1941 he acted as authorized representative of the Evacuation Council under the Sovnarkom of the USSR ("Prikaz narodnogo komissara srednego mashinostroeniya SSSR V.A. Malysheva № 303ss ot 8 iyulya 1941 g. 'Ob

On July 25, Kremenchug was first mentioned in the directives of the Wehrmacht's ground forces general staff.

July 25, 1941, the 34th day of war. The 1st Panzer Group will complete its mission west of the Dnieper and will be able to cross the Dnieper near Kremenchug and Cherkassy, aiming to link up with the 2nd Panzer Group northwest of Kharkov.²⁵

On July 30, the Wehrmacht resumed its offensive on Kiev. People in Kremenchug were agitated and expected the order to start evacuation. The case files contain the following data:

As the frontline approached the Kryukov works in after the 20th of July, Gavrilov sent several encrypted telegrams to the People's Commissariat of Medium Engineering and the head of Glavtransmash, but he did not receive any reply before leaving Kryukov.²⁶

Then the head of the plant contacted the oblast party committee in Poltava, which "verbally instructed him" on August 3 to commence evacuation. Gavrilov's explanation by no means indicates the compliance with the schedule of preparation for dismantling the plant.

In fact, the evacuation started only on August 4. In August 4 and 5, 88 railcars loaded with equipment were sent, and on August 5, another 60 railcars were loaded. However, on the night from August 5 to 6, the Kryukovo-Kotystovka railway line was destroyed and the loaded cars were left at the plant, since it was not possible to evacuate them to Kremenchug due to the destruction of the railway bridge across the Dnieper.

Local party and Soviet authorities strictly prohibited the evacuation of workers and their families until the evening of August 6.

---

evakuatsii rabochikh i sluzhashchikh evakuiromykh predpriyatii" [Order of the People's Commissar of Medium Machine-Building of the USSR V.A. Malyshev no. 303ss dated July 8, 1941 'On the Evacuation of Workers and Employees of Evacuated Enterprises']. F. 8115, op. 8, d. 83, l. 8. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of Economics] (RGAE), Moscow, Russia.

²⁵ F. Halder, *Military Diary*, vol. 3, *Book One (June 22, 1941 – September 30, 1941)*, trans. I. Glagolev (Moscow: Voenizdat, 1971), 193.

²⁶ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 147. GAPK.

After individual evacuation of workers was finally permitted, Gavrilov was no longer able to use the 15 boxcars specifically prepared for that purpose.²⁷

The evacuation order came from the People's Commissariat on August 8. "Kryukov was the first to be occupied by the Germans, on August 9, 1941."²⁸

The works' management was quick to send the workers home, and cashiers gave them their pay on the fly, without any receipt. Trains that had been prepared for departure remained on the right bank: "The plant possessed significant supply of metal (14,000 tons), 2,000 finished wheel sets and 7,000 solid-welded wheels, which were left to the enemy."²⁹ On September 8, a single train arrived in the city of Molotov. It brought 38 pieces of machinery, steel castings, and electrodes. It was not possible to evacuate the equipment for producing high-explosive aerial bombs.³⁰

The majority of workers of the Kryukov works stayed under occupation. The Wehrmacht rear divisions had an opportunity to utilize the engineering and human resources of a large industrial facility; its workshops housed repair shops for the recovery of damaged tanks and artillery systems.³¹

In the city of Molotov, there were no prepared production sites for the manufacture of carriages, wheel sets, and platforms, let alone the appropriate equipment. The Kryukov works along with the Kalinin works, which arrived in Molotov in a similarly dismantled state, was located on the premises of an oil depot on the bank of the Kama River and repurposed for producing aircraft weaponry.

---

²⁷ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 147. GAPK.

²⁸ V. Mudraya, "Kremenchug i Kryukov: 200 Years Together" [in Russian], *Telegraf*, November 6, 2017, accessed April 13, 2024, <https://www.telegraf.in.ua/topnews/10065744-kremenchug-i-kryukov-200-let-vmeste.html>

²⁹ "Audrin P.P. (prokuror po spetsdelam) – Nachal'niku EKO UNKVD po Molotovskoi oblasti. 25.03.42" [P.P. Aurdin (Prosecutor in special cases) to the head of the NKVD Economic Department in Molotov Oblast]. F. r1366, op. 1, d. 707, l. 147. GAPK.

³⁰ "Dokladnaya zapiska sekretarya Molotovskogo obkoma VKP(b) po mashinostroitel'noi promyshlennosti P.Z. Subbotina sekretaryu Molotovskogo obkoma VKP(b) G.A. Denisovu po voprosu razmeshcheniya i montazha oborudovaniya evakuirovannykh predpriyatii, pribyvshikh na zavody mashinostroitel'noi promyshlennosti Molotovskoi oblasti" [Memo from Secretary of the Molotov Oblast VKP(b) Committee for the Machine-Building Industry P.Z. Subbotin to Secretary of the Molotov Oblast VKP(b) Committee G.A. Denisov on the issue of placement and installation of equipment of evacuated enterprises that arrived at the plants of machine-building industry of Molotov Oblast]. F. 105, op. 7, d. 58. PermGASPI.

³¹ E.A. Shablii, "Kremenchug Underground during the Second World War" [in Russian], okrain.net.ua, accessed January 28, 2025, https://okrain.net.ua/ru/article/read/kremen_podpole.html

That was the end of this simple story, which was rather trivial in the context of 1941 if we are to believe the report of USSR State Planning Committee "On the Progress of Restoration of Evacuated Facilities by People's Commissariats."³²

In the list of those evacuated to the city of Perm, I did not find the names of the Kryukov works' managers. The management of the plant was entrusted to the former head of the Kalinin carriage works Mikhail I. Rumyantsev.³³

In a heated freight car

Yu. K.: The train with people from Kalinins Oblast arrived in the city of Molotov (at the Kislotnyi station) only on December 2, 1941.³⁴ It departed from the Kashino station on November 8, meaning it was on the road for 24 days, during which it covered about a thousand kilometers. The train was expected in the city of Molotov. There was a critical shortage of qualified staff to restore the Kryukov works at the new location. They were supposed to be evacuated to Molotov along with the missing equipment from the Kalinin works.³⁵ In accordance with the Resolution of the VKP(b) Central Committee and the Council of People's Commissars of the USSR as

---

³² "During the evacuation of enterprises, the selection of equipment for installation is largely random and is made without taking into account the completeness of individual types of equipment, especially the production and power equipment. After dismantling the equipment, the People's Commissariats did not organize either inventory control or supervision over it en route, because of which, as a rule, special trains that transported the evacuated equipment arrived at their destinations extremely late, in parts, and lacking some pieces of equipment. . . As a rule, when removing equipment from enterprises, the People's Commissariats did to ensure the evacuation of the required number of skilled workers. . ." See "Doklad Gosplana SSSR 'O khode vosstanovleniya evakuirovannykh predpriyatii po narkomatam' 10 dekabrya 1941" [Report of the State Planning Committee of the USSR 'On the Progress of Restoration of Evacuated Enterprises by People's Commissariats,' December 10, 1941]. F. 4372, op. 93, d. 70, ll. 221–223. RGAE.

³³ "Protokol doprosa svidetelya M.I. Rumyantseva 20 yanvarya 1942 g." [Transcript of the interrogation of witness M.I. Rumyantsev on January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 49. PermGASPI.

³⁴ "Protokol doprosa obvinyaemogo V.V. Azarova 3 yanvarya 1942 goda" [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on January 3, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 47 ob. PermGASPI.

³⁵ The history of the works began in 1898 in Tver on the land leased by the French company "Dyle et Bacalan." It started producing freight and passenger railcars. In 1915, the Tver works was merged with the Riga facility, thereby transferring its ownership to the joint-stock company of the Russian-Baltic railcar plant. After the 1917 revolution, the already nationalized facility was modernized in the course of Stalin's industrialization policy that began at the turn of the 1930s. The method of electric welding began to be used. By decision of the Soviet government, the plant started to produce passenger carriages only in 1939. But during the Great Patriotic War, the plant launched military production of artillery rounds, mortar shells, aerial bombs, and ambulance railcars. See "History of the Tver Carriage Works" [in Russian], Tver Carriage Works, accessed January 10, 2025, <http://www.tvz.ru/company/history/?ysclid=m6yxk6iot558868135>

of June 27, 1941, mainly skilled workers and engineers were to arrive from Kalinin occupied by the Germans.³⁶ Accommodation was prepared for them on the left bank of the Kama River, in the Ordzhonikidzevskii district: some lived in barracks and others in private apartments. Some people had to be moved into freight cars at Levshino station.

In reality, it turned out that some kind of a large communal apartment on wheels arrived in Molotov instead of a production crew. There were indeed workers (with varying degrees of skill) with their families, Soviet employees, teachers – a total of 117 people, of which, according to the lists, only 52 people were plant workers.³⁷ The testimony of the train master V. Azarov states the following: "Many of them. . . I did not know at all. There were only. . . five from our plant."³⁸ However, all formalities for the evacuation had been settled. Before issuing an evacuation certificate, those wishing to leave for the Urals were included in the lists at the works and appointed to a position. For instance, the head of a children's excursion tour station was promoted to deputy head of the human resources of the Kalinin works.

They all traveled to the evacuation site in three freight cars. It was cramped inside. The sleeping berths were arranged in three tiers.³⁹ Usually bunks, or sleeping platforms, were installed in two tiers on the opposite sides of the cast-iron stove that formed the center of the car.⁴⁰ People ate, warmed themselves, and talked around it. It was for such conversations, as well as gestures and facial expressions, that the train master and design engineer of the Kryukov works was liable to criminal prosecution. He was a short man over forty, without any distinctive features, ". . . small mouth, thin lips, straight chin, small, triangular ears, oval earlobes."⁴¹ The description from the

---

³⁶ See "Resolution of the VKP(b) Central Committee and the Sovnarkom of the USSR dated June 27, 1941 'On the Procedure for the Removal and Accommodation of Personnel and Valuable Property.' The First Days of the War: Evacuation (Based on the Materials from the 'Special Folders' of the Politburo of the Central Committee of the VKP(b): Archival Documents" [in Russian], *Otechestvennye arkhivy*, no. 2 (1995): 28–29.

³⁷ See "Spisok № 1 rabochikh, ITR i sluzhashchikh Kalininskogo vagonostroitel'nogo zavoda g. Kalinina, evakuirovannykh v g. Molotov dlya raboty" [List no. 1 of workers, technical engineering personnel, and employees of the Kalinin Carriage Works in Kalinin, evacuated to Molotov for work]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, ll. 14–19.

³⁸ "Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 3 yanvarya 1942 goda" [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on January 3, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 46 ob. PermGASPI.

³⁹ "Zhaloba Azarova V.V. na prigovor sudebnoi kollegii po ugovolnym delam Molotovskogo oblastnogo suda ot 28 marta 1942 g." [Complaint of V.V. Azarov against the sentence of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Molotov Oblast Court dated March 28, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 84 ob. PermGASPI.

⁴⁰ See Karavaeva, *Economic Foundation of Victory*, 121.

⁴¹ "Anketa arestovannogo V.V. Azarova. 15 dekabrya 1941 g." [Curriculum vitae of arrestee V.V. Azarov on December 15, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 27 ob. PermGASPI.

case files portrays Azarov as unattractive and unsympathetic person, especially considering that his description was made by a female investigator.

V. Azarov graduated from the Engineering Institute in Rezhitsa, then Ordzhonikidzograd, with a degree in mechanical engineering. He joined the VKP(b) in 1927.⁴² As was expected of a first-generation Soviet intellectual, he came from a poor family of peasants: “. . .I myself was a shepherd until 1923.”⁴³ He did not become “much of a party activist,” he remained silent at meetings, and he was not known for his political literacy. He squinted at everything that was happening and while he did not speak up at once (he was experienced, after all), his facial expressions and gestures gave him away. In any case, the female party members did not see him as their comrade,⁴⁴ the “unbending Bolshevik.” He would smirk upon hearing a patriotic slogan, then curl his lips, then bat away his hand and say something completely narrow-minded, even anti-party, or cut off the interlocutor person at the most important point.

Excerpt from the case files:

While en route, in one of our conversations about warfare, I said that although Germans occupied part of our territory, victory would be ours, as Comrade Stalin had said. Comrade Azarov laughed at these words of mine and called me a blabbermouth, also telling me I was not answering like a true Bolshevik.⁴⁵

---

⁴² “Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 15 yanvarya 1942 goda” [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on January 15, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 11 ob. PermGASPI.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ This term was widely used among the party members in the 1920s–30s to describe a person who was completely devoted to the idea and Bolshevik leaders, neither doubted the party line, nor felt tired of compliance with it. In introduction to the first issue of the *Bolshevik* magazine, we can find what it means to be an unbending Bolshevik: “We were, are, and will be unbending. Those who are tired of struggle, who already dream of a quiet haven, their road is not our road. . . Bolshevikism was, is, and will be an army of ruthless, eternal war against the old world. The conditions and forms of war are changing, but our rejection and hatred for the world of slavery and oppression will never change. . . We will educate new, young cadre of the ‘Lenin draft’ in the spirit of Bolshevik hatred for the old world, in the spirit of irreconcilability, unbending belief, and fortitude”. We will fight against liquidationism, renunciation, skepticism, unbelief and fatigue” (“Our Tasks” [in Russian], *Bol'shevik*, no. 1 (1924): 4).

⁴⁵ “T. Petra Timofeevicha – Prokuroru Ordzhonikidzevskogo r-na. Ob"yasnenie. 9 dekabrya 1941 g.” [T. Petr Timofeevich to the Prosecutor of the Ordzhonikidzevsky District. Explanation. December 9, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 3. PermGASPI.

Anna Osipovna T., a party member since 1917, even cried when she heard Azarov's seditious speeches.⁴⁶

From the available documents it is difficult to determine what kind of engineer Azarov was. He described himself as a good and responsible person who was devoted to his work. The head of the works held the opposite opinion:

I cannot classify him as a good worker, he does not have a good standing with his co-workers, since he is one of those crooks who only treat their work as a mere formality. The war did not change his attitude to work: he carried out menial tasks and could not be entrusted with any serious kind of work. We would not risk it. The fuel tank maintenance he was involved in is such a small thing for our plant that it is not even worth mentioning. If he says that he was working for days without ever going home, that is completely untrue.⁴⁷

Vasilii Azarov failed to make a career at the Kalinin works, perhaps, due to his ill-tempered nature (he worked as a foreman in the workshop). He was a man of a fiery temper, an uncompromising debater, and, as they say, he knew how to throw his weight around:

He is unhinged and lacks self-control. He would often start criticizing this or that item, shouting about its unsuitability, but he would not say how it should be done in an adequate, business-like manner, he would simply scream and shout without any rhyme or reason.⁴⁸

He became the head of the evacuation of more than a hundred people by accident. It was deemed necessary

to appoint a master for each train, who would be responsible for the train during the journey until the moment of unloading and transfer of the evacuated population to the local authorities.⁴⁹

---

⁴⁶ "Protokol doprosa svidetelya. Vorontsovoi V. 26 dekabrya 1941 g." [Transcript of witness interrogation. Vorontsova V. December 26, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 37 ob. PermGASPI.

⁴⁷ "Protokol doprosa svidetelya Rummyantseva M.I. 20 yanvary 1942 goda" [Transcript of the interrogation of witness M.I. Rummyantsev on January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 49 ob. PermGASPI.

⁴⁸ "Protokol doprosa svidetelya Leonova S.F. 20 yanvary 1942 g." [Transcript of the interrogation of witness S.F. Leonov on January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 50 ob. PermGASPI.

⁴⁹ "Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR (Approved by the Politburo of the VKP(b) Central Committee on July 5, 1941 g. 'On the Procedure of Evacuating the Population in Wartime'," 138.

So, V. Azarov was appointed. At the court hearing, head of the plant M. Rummyantsev explained his decision by saying that "it was not such a difficult task, and besides, there was no one to choose from."⁵⁰

The head of the plant clearly made a mistake in his assessment of the task's difficulty. The train master had to maintain order in communal apartment on wheels, inhabited, as it turned out, by very different and previously unknown to each other men, women and children; provide them with food at the evacuation sites, even take them to the bath.

The task became even more difficult because many of those people were completely unprepared for evacuation trip. The train, as was already mentioned several times, departed from the Kashino station. The city of Kalinin was surrendered to the enemy on October 14, 1941.⁵¹

"On October 13, 1941, we all got out of Kalinin in a disorganized manner, as best we could, and they gathered us all in the town of Kashino, or rather, not everyone but those who managed to show up," said Azarov during interrogation.⁵² The oblast authorities also moved to that city, in particular the office of the Kalinin Oblast Committee, which supervised the evacuation.

According to the directives, the ETA to the city of Molotov was about 5–7 days.⁵³ But the party leaders in Kalinin Oblast were experienced people and supplied the train with food and other supplies for 10 days. Passengers received rations (actually bought them. Some people refused meat from the food package because of its high price; it was cheaper at the Kalinin market):

---

⁵⁰ "Protokol sudebnogo zasedaniya sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Molotovskogo oblastnogo suda ot 28 marta 1942" [Minutes of the court session of the judicial panel for criminal cases of the Molotov Oblast Court on March 28, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 79. PermGASPI.

⁵¹ "On October 14, enemy's tank division along with motorized brigade approached Kalinin. The enemy managed to push back the 5th infantry division, which had not yet established its foothold on southern approaches to Kalinin. As a result, the city was quickly overrun and captured by the enemy (Platonov, *Operations of the Soviet Armed Forces*, 286).

⁵² "Protokol doprosa Azarova V.V. 15 dekabrya 1941 goda" [Transcript of the interrogation of V.V. Azarov on December 15, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 11 ob. PermGASPI.

⁵³ "People's Commissariat of Communication Routes of the Soviet established the speed of the trains transporting equipment to be 400 km per day; in fact, through fault of said Commissariat, those trains moved at a speed of 200 km per day, and in some cases even less than 100 km" (Simonov, *Military-Industrial Complex of the USSR*, 142).

When leaving Kashin, my train received 8 kg of bread per person. They gave us meat and potatoes, but no one took them, since the supplies were not free of charge, and meat was cheap at the market: 10–12 rubles per kilogram of lamb.⁵⁴

It took more than three weeks for the train to reach Molotov.

The journey to the Bui station was more or less tolerable, but it was downhill from Buy: we ran out of food and there was nowhere to replenish supplies, since we almost never stopped at evacuation sites but stopped at small stations where it was difficult to procure food. Due to the food shortage, quarrels arose between me and my people.⁵⁵

It must be said, that the level of conflict on the train was indeed high and the quarrels and disputes between the passengers were so heated and frequent that some explanation is certainly necessary, especially taking into account the fact that on the train people were malnourished rather than starving.

I see several reasons for such a tense conflict. I shall start with a trivial one. The car was overcrowded. The close contact between 36 unfamiliar to each other men and women of different ages, education and social status led to conflicts, especially in the context of free time. Judging by the files, nobody among the passengers even read the newspapers; some were sleeping on the bunks, some crunching on bread crust, some were comforting the children or simply shouting at them. Everyone kept to themselves; there was no common cause besides talking by the stove, and even that soon became dull and boring. V. Azarov was unable to maintain a more friendly environment, especially since he himself was in a stressful situation the entire time. He had recently lost his family: just before the war, they went to visit relatives in Orel Oblast, and then letters stopped coming. Azarov managed to get a travel certificate from the head of the plant and obtained papers from the military commandant to begin searching for his family.

---

⁵⁴ "Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 3 yanvarya 1942 goda" [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on January 3, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 47 ob. PermGASPI.

⁵⁵ "Protokol sudebnogo zasedaniya sudebnoi kollegii po ugolovnym delam Molotovskogo oblastnogo suda ot 28 marta 1942" [Minutes of the court session of the judicial panel for criminal cases of the Molotov Oblast Court on March 28, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 77 ob. PermGASPI.

I left Kalinin on September 24. However, I was unable to get farther than Bryansk and on October 12, after various difficulties along the way, I returned to Kalinin.⁵⁶

Azarov managed to return to the city literally at the last moment and found there the following:

The plant was being prepared for evacuation: machinery and equipment were being disassembled. However, it was already too late: the Germans had entered the outskirts of the city, landing troops at the Mikhailovskii airfield and beginning to shell the works from that position. The works received an order to leave everything and evacuate immediately. We did just that, and our plant was blown up by our units.⁵⁷

Truth be told, Azarov could not talk about anything except the disappearance of his family. He kept on trying to find out from the Information Bureau reports what was happening in Orel Oblast: was it still in the narrow Soviet rear or already in the German one or was there fierce combat going on there; alas, he could not find out anything.

Based on the data from the Information Bureau I cannot determine the status of the territory where my wife is located. I cannot say whether it is occupied or not.⁵⁸

This is how Azarov explained his statements during the investigation. However, he was much more daring in the train car. The testimony of his fellow traveler is as follows:

And then Azarov said that the reports from our Information Bureau are false, incorrect, and are not to be trusted, since you cannot learn anything truthful from them.⁵⁹

---

⁵⁶ "Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 15 decabrya 1941 goda" [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on December 15, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 46–46 ob. PermGASPI.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ "Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 30 decabrya 1941 goda" [Transcript of the interrogation of accused V.V. Azarov on December 30, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 40. PermGASPI.

⁵⁹ "Protokol doprosa svidetelya B.E.A. 20 yanvarya 1942 goda" [Transcript of the interrogation of witness B.E.A. on January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 52. PermGASPI.

How did it feel to hear that for a female party member from the Comintern,⁶⁰ a former student of the Communist University of National Minorities of the West named after Y. Markhevskii, who had served two years in the Kalinin prison and was awaiting execution under paragraph 6 of the same Article 58, espionage?⁶¹ Her husband was executed by firing squad, and she was suddenly released in 1939 and even reinstated in the party.⁶² Although, the investigative files claim that that witness was nonpartisan. During the train conversations, she saw before herself a representative of her native government, a member of the Communist Party telling her that the unemployed people in the USA live better than Soviet engineers, they receive large benefits, and that goods are cheaper there, that the Soviet newspapers are telling lies, and that if a congress of soviets were to convene today, they would dissolve the entire government.⁶³ Everything was crystal clear to her: he was an instigator or rather a complete fool, who was going to get everybody killed, and she had three children to take care for. And he ate bread and butter the whole way.⁶⁴ To report him was the only way to save, if not herself, then her children. And her two party comrades (Esther and her old friend Anna Vasil'evna) did just that.

A personal conflict could have been the driving factor for turning the train car chatter into a counter-revolutionary rally. It should be noted, that by the standards of that time, the reluctant travelers actually said a lot of dangerous things and were clearly seditious: they openly discussed the situation at the front, questioned the credibility of the Information Bureau reports, berated the government while praising the American way of life, passed on rumors to each other about past conflicts between Stalin and Klim Voroshilov:

. . . I (V. A. – Yu. K.) Sakny would prove to us that “at the time of the Winter War of 1939, major disagreements arose between Comrade Stalin and Voroshilov, since Voroshilov was all for completely destroying Finland, while Comrade Stalin was against that, causing a rift between the two. In the end,

---

⁶⁰ The woman's name is deliberately not mentioned, since it is clear from the case files that she was the one who reported Azarov.

⁶¹ See *Criminal Code. With Amendments as of December 1, 1938*, 31.

⁶² See *Book of Remembrance of Victims of Political Repression in Kalinin Oblast. Preparatory Materials for Volume 3* [in Russian], ed. E.V. Vartanova (Tver: RED, 2006).

⁶³ Cf. the statement of J. Stalin at a reception in the Kremlin on May 24, 1945: “Some other people could have said, ‘Well, to hell with you, you have not met our expectations, go away, we will install another government that will make peace with Germany and ensure peace for us. It could have happened, keep that in mind’” (V.A. Nevezhin, *Stalin's Dinner Speeches. Documents and Materials* (Moscow: AIRO-XX; St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2003), 472–73).

⁶⁴ See “Protokol doprosa svidetelya B.E.A. 20 yanvarya 1942 g.” [Transcript of the interrogation of witness B.E.A. on January 20, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, ll. 51–52. PermGASPI.

Voroshilov was demoted, and said rift is left open to this day." Sakny expressed that just as freely and without any emotional constraint.⁶⁵

Still, the investigator from the district prosecutor's office found no evidence of a crime in those words of the electrician from the Kalinin carriage works and suggested against opening a criminal case.⁶⁶

Let us point out one curious detail. Both Azarov and those who opposed him mentioned the Congress of Soviets as a functioning institution. They disagreed only on whether it was appropriate to convene it at that moment or not. It did not even occur to any of them that according to the Constitution, which had been valid for five years, that government body no longer existed. Such forgetfulness could have been a result of the stress under which were V. Azarov, and the female party members, and virtually every fellow traveler during the evacuation. They were forced to leave their lived-in places and went eastward, to the Urals, to the taiga, along the route of dispossessed peasants who were exiled by the order of government in 1930–34, without having a slightest clue of what awaited them there. The journey was especially tough for epy passengers who had no opportunity to evacuate with their relatives. The witness interrogation record states:

I kept to myself: everyone was traveling with their husbands, but I was only with my children. My husband was fighting on the battlefield, no one took care of me along the way, and I surely felt hurt.⁶⁷

The supply of food, soap and other essentials depended on the schedule of the train, which did not stop at every evacuation site. V. Azarov said:

More often than not the train passed by food stations and stopped almost 20 kilometers away, standing for days.⁶⁸

---

⁶⁵ "Protokol doprosa svidetelya B.E.A. 15 dekabrya 1941 g." [Transcript of the interrogation of witness B.E.A. on December 15, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, ll. 23–24. PermGASPI.

⁶⁶ "Postanovlenie sledovatelya prokuratury Ordzhonikidzevskogo raiona g. Molotova. 26 dekabrya 1941 g." [Resolution of the investigator of the Ordzhonikidzevsky District Prosecutor's Office of the city of Molotov. December 26, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 38 ob. PermGASPI.

⁶⁷ "Protokol doprosa svidetelya Izotovoi E.A. 21 yanvarya 1942 g." [Transcript of the interrogation of witness Izotova E.A. on January 21, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 59 ob. PermGASPI.

⁶⁸ "Protokol doprosa obvinyaemogo Azarova V.V. 3 yanvarya 1942 g." [Transcript of the interrogation of accused Azarov V.V. on January 3, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 47. PermGASPI.

That long journey turned into an ordeal for the evacuees. The constant shortage of bread and other foods, the inability to properly shower, the cramped conditions, and the cold autumn weather provoked grievances and quarrels, giving rise to rumors that someone in the neighboring car was eating to their heart's content at the expense of the others:

At the same time, neighboring car received more than enough bread, and also butter, even a 17-year-old got his share. I didn't receive it for my 8-year-old. And that car was also part of our special train. When we complained to Azarov about bread, that the children were hungry, he replied that he was not a babysitter to run and search for bread.⁶⁹

This is what one of the passengers later said with a touch of resentment. The discontent of the evacuees was made more intense by the stories about a passenger from a neighboring car who was allegedly seen peddling bread. One of the interrogation records states:

He (Azarov – *Yu. K.*) went to district organizations to petition for food. His friend Sakny and a number of close acquaintances went with him. They left in the morning and returned at one o'clock at night and did not bring us any food or bread, since it turned out that the bread we were supposed to receive at the evacuation site had already been accounted for. Moreover, we were all given 100 grams of butter each, as well as cheese. . . Later, it turned out that one supply worker was selling our bread. . . He peddled 2.5 loaves of bread for 60 rubles. Azarov knew about that, and the station master proved to him that our bread had been already received. But he did not take any action, and such outrages occurred at every stop because people were left to fend for themselves.⁷⁰

The complaints of passengers who reported V. Azarov to proper authorities upon arrival in Molotov portray him as an indifferent and irresponsible leader, guilty of all the hardships of the evacuation to Molotov: "While being the train master, Azarov took little care about people, which led to starvation."⁷¹

---

⁶⁹ "Protokol doprosa svidetelya Izotovoi E.A. 21 yanvarya 1942 g. [Transcript of the interrogation of witness Izotova E.A. on January 21, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 59 ob. PermGASPI.

⁷⁰ "Protokol doprosa svidetelya Taranovich A.O. 16 dekabrya 1941 g." [Transcript of the interrogation of witness Taranovich A.O. on December 16, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, ll. 21 ob.–22. PermGASPI.

⁷¹ "Prokuroru Ordzhonikidzevskogo raiona ot B.E.A., rabotayushchei na Kryukovskom vagonostroitel'nom zavode. Ob"yasnenie. 9 dekabrya 1941 g." [To the Prosecutor of Ordzhonikidzevskii District from B.E.A., employed at the Kryukov Carriage Works. Explanation. December 9, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 4. PermGASPI.

Stricken by a shared traumatic experience, people tried to talk to each other. In the conversations which were often seditious, they tried to explain to one another what had actually happened, why they had lost their loved ones, the plant, and their property, and had to leave someplace else. They sought the culprit among their fellow companions in misfortune, perpetuated rumors, and trusted no one, especially the authorities – small, accessible, and therefore even more suspicious of the greatest privilege to eat at the expense of others. A heated freight car in an evacuation train was a proverbial canary in a coal mine for the social situation in the Soviet rear of 1941, the morale of ordinary people, their expectations and concerns. Their conversations, primarily about daily bread, but also about “politics” uncover a cross-section of a collective consciousness damaged by a social disaster. It was important for people to understand who or what was to blame for military defeats: “Less politicking, more action!”⁷² They were wary of military reports, putting more trust in their personal experiences even if they were retold. But even engineer named Azarov, convicted under Article 58, Part 2 was not accused of spreading defeatism.⁷³ In the situation under analysis we observed social apathy, a deep-rooted desire to keep away from any kind of politics, to immerse oneself in personal concerns, but by no means a psychological willingness to accept the occupation regime or make peace with the Germans.

Conclusion

Yu. K., O. L.: The Kryukov carriage works brought together two stories of evacuation due to a conjunction of wartime circumstances. The first one was an attempt to discover its organizational side. The second described what could be seen or heard on the train from socially traumatized individuals who were forced into idleness. These episodes are connected not only by time, place or situation. If we look far beyond the details, we will uncover the same dramatic, or rather, tragic narrative – the fate of people in the circumstances of social collapse. The contradiction is apparent. The local government structures and bodies are in place. They function, they command, they discipline, but what they ultimately produce is only a semblance of order but not the order itself. The administrative hierarchy is in

---

⁷² “Prokuroru Ordzhonikidzevskogo raiona ot T. Anny Osipovny. Ob"yasnenie. 9 dekabrya 1941 g.” [To the Prosecutor of Ordzhonikidzevskii District from T. Anna Osipovna. Explanation. December 9, 1941]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 5. PermGASPI.

⁷³ V.V. Azarov was sentenced by the decision of the Criminal Collegium of the Molotov Oblast Court on March 28, 1942 to 10 years of imprisonment. Without confiscation of property “. . .due to lack thereof.” He did not leave to be released from the camp. See “Prigovor sudebnoi kollegii po ugovnym delam Molotovskogo oblastnogo suda ot 28 marta 1942 g.” [Sentence of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Molotov Oblast Court dated March 28, 1942]. F. 641/1, op. 1, d. 15727, l. 82 ob. PermGASPI.

disarray and this leads to multitude of institutions and individuals issuing conflicting orders. Time schedules are not followed. Plant management follows a usual predetermined pattern: it convenes meetings, approves a list of things to do, reports on the work done, and is ultimately forced to abandon production equipment and materials, and load evacuation trains with random people. People who discover signs of the surrounding chaos within their personal space are deeply traumatized by it. They lose the ability to explain the situation and their place in it in the language of the Bolsheviks, do not trust the newspapers, and turn to the long-forgotten methods of comprehension and speaking based on personal experience or tales of experienced people. They are concerned about their country and well-being of their families. Frustration, apathy, and fear form a collective psychological community. Such an oppressive environment perpetuates quarrels, mutual complaints, and finally, unraveling. A person trapped in the force field of social collapse strives to preserve his status whatever the cost, but at the same time he becomes simpler, violating the norms of Soviet social life, of which he only scratched the surface.

Список литературы

Баранов М.А., Стародубцев В.Ф. Конверсия на войну (Экономическое сопротивление в годы испытаний 1939–1945 гг.). Москва: Экономика, 2005. 143 с.

Булюлина Е. Эвакуация сельскохозяйственных животных в Сталинградской области в 1941–1942 гг. // Культурный код. 2025. № 1. С. 112–124. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2025-1-112-124>

Вагоностроение в годы первых пятилеток. Развитие вагоностроительных заводов // 1520mm.ru. URL: <https://www.1520mm.ru/railcars/carloadPlants-1929-1941.phtml> (дата обращения: 13.04.2024).

Великая Отечественная война. 1941 год: Исследования, документы, комментарии / под редакцией В.С. Христофорова. Москва: Издательство Главного архивного управления города Москвы, 2011. 756 с.

Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г., Хлынина Т.П. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945). Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2013. 362 с.

Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР 1941–1942 годы // Новая и новейшая история. 2006. № 6. С. 7–27.

Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. 169 с.

Малаков Д. «22 июня, ровно в четыре часа...» (Дещо з історії Києва того дня) // Військово-історичний альманах. Часовник – Центральний музей Збройних Сил України. 2006. № 1. С. 60–74.

Мудрая В. Кременчуг и Крюков: 200 лет вместе! // Телеграфъ. 6.11.2017. URL: <https://www.telegraf.in.ua/topnews/10065744-kremenchug-i-kryukov-200-let-vmeste.html> (дата обращения: 13.04.2024).

Нечаев М.Г. Эвакуация научных, учебных и культурных учреждений в город Молотов (Пермь) во время Великой Отечественной войны // Гуманитарные исследования. История и филология. 2022. № 5. С. 16–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40>

Операции советских вооруженных сил в период отражения нападения фашистской Германии на СССР (22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.) / под редакцией С.П. Платонова. Москва: Воениздат, 1958. 736 с.

Парамонов Б., Толстой И. Бедлам как Вифлеем: Беседы любителей русского слова. Философский комментарий к русской литературе. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 512 с.

Пащенко М.Я. К освещению вопроса о времени создания Совета по эвакуации и его руководстве в научной и учебной литературе // Берегиня. 777. Сова. 2012. № 3 (14). С. 49–54.

Потемкина М.Н. «Выковыренные»: личностное восприятие эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, 2016. 151 с.

Потемкина М.Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск: МаГУ, 2002. 265 с.

Сафонова Т.А. Прием и размещение эвакуированного населения в Западной Сибири в 1941–1942 годах // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (спецвыпуск). 2000. Вып. 4 (20). С. 122–125.

Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 336 с.

Смыкалин А.С. Политические настроения эвакуированного на Урал населения в годы Великой Отечественной войны: по материалам военной цензуры // Роль органов и войск государственной безопасности в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: материалы региональной научной конференции (Екатеринбург, 25–26 февраля 2005 г.). Екатеринбург, 2005. С. 51–55.

Советский тыл 1941–1945: повседневная жизнь в годы войны / составители Б. Физелер и Р.Д. Марквик. Москва: Политическая энциклопедия, 2019. 383 с.

Шаблій Е.А. Кременчугское подполье в годы Второй мировой войны // okrain.net.ua. URL: https://okrain.net.ua/ru/article/read/kremen_podpole.html (дата обращения: 28.01.2025).

Шевырин С.А. Архивно-следственные дела НКВД как источник, дополняющий историю эвакуации (на примере Молотовской области) // Ноябрьские историко-архивные чтения – 2019 г.: материалы Международной научно-практической конференции «Великая Отечественная война. 1941–1945 гг. К 75-летию Победы» (Пермь, 7–8 ноября 2019 г.) / под редакцией С.В. Неганова. Пермь: Пермский государственный архив социально-политической истории, 2020. С. 480–486.

Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности / под редакцией И.В. Караваевой. Москва: Институт экономики Российской академии наук, 2015. 344 с.

Эшелоны идут на восток (из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.): сборник статей и воспоминаний / под редакцией Ю.А. Полякова и др. Москва: Наука, 1966. 263 с.

References

- Baranov, M.A., and V.F. Starodubtsev. *Konversiya na voynu (Ekonomicheskoe protivoborstvo v gody ispytaniy 1939–1945 gg.)* [Conversion to war. Economic confrontation during the ordeal of 1939–1945]. Moscow: Ekonomika, 2005. (In Russian)
- Bulyulina, E. "Evakuatsiya sel'skokhozyaistvennykh zhitovnykh v Stalingradskoi oblasti v 1941–1942 gg." [Evacuation and re-evacuation of farm animals in the Stalingrad region in 1941–1942]. *Kul'turnyi kod*, no. 1 (2025): 112–24. <https://doi.org/10.36945/2658-3852-2025-1-112-124> (In Russian)
- Eshelony idut na vostok (iz istorii perebazirovaniya proizvoditel'nykh sil SSSR v 1941–1942 gg.): sbornik statei i vospominanii* [Special trains go to the east (from the history of relocation of productive forces of the USSR in 1941–1942): A collection of articles and memoirs], edited by Yu.A. Polyakov et al. Moscow: Nauka, 1966. (In Russian)
- Fizeler, B., and R.D. Markvik, comps. *Sovetskii tyl 1941–1945: povsednevnyaya zhizn' v gody voiny* [The Soviet rear, 1941–1945: Everyday life during the war years]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2019. (In Russian)
- Karavaeva, I.V., ed. *Ekonomicheskii fundament Pobedy: paralleli istorii i sovremennosti* [Economic foundation of victory: Parallels of history and modernity]. Moscow: Institut ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk, 2015. (In Russian)
- Khristoforov, V.S., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941 god: Issledovaniya, dokumenty, kommentarii* [The Great Patriotic War. 1941: Studies, documents, commentaries]. Moscow: Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya goroda Moskvy, 2011. (In Russian)
- Krinko, E.F., I.G. Tazhidinova, and T.P. Khlynina. *Chastnaya zhizn' sovetskogo cheloveka v usloviyakh voennogo vremeni: prostranstvo, granitsy i mekhanizmy realizatsii (1941–1945)* [Private life of a Soviet person during the war: Space, boundaries, and mechanisms of implementation]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuNTs RAN, 2013. (In Russian)
- Kumanev, G.A. "Voyna i evakuatsiya v SSSR 1941–1942 gody" [War and evacuation in the USSR in 1941–1942]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6 (2006): 7–27. (In Russian)
- Likhomanov, M.I., L.T. Pozina, and E.I. Finogenov. *Partiinoe rukovodstvo evakuatsiei v pervyi period Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941–1942 gg.* [Party leadership of evacuation in the first period of the Great Patriotic War. 1941–1942]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1985. (In Russian)
- Malakov, D. "'22 iyunya, rovno v chetyre chasa...' (Deshcho z ictopii Kieva togo dneya)" ['On June 22, at four o'clock sharp...' (Something from the history of Kiev of that time)]. *Viis'kovo-istorychnyi al'manakh. Chasnovnyk – Tsentral'nyi muzei Zbroinykh Syl Ukrayiny*, no. 1 (2006): 60–74. (In Ukrainian)
- Mudraya, V. "Kremenchug i Kryukov: 200 let vmeste!" [Kremenchug i Kryukov: 200 years together]. *Telegraf*, November 6, 2017. Accessed April 13, 2024. <https://www.telegraf.in.ua/topnews/10065744-kremenchug-i-kryukov-200-let-vmeste.html> (In Russian)
- Nechaev, M.G. "Evakuatsiya nauchnykh, uchebnykh i kul'turnykh uchrezhdenii v gorod Molotov (Perm') vo vremya Velikoi Otechestvennoi voiny" [Evacuation of scientific, educational, and cultural institutions to the city of Molotov (Perm) during the Great Patriotic War]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya*, no. 5 (2022): 16–40. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2022-5-16-40> (In Russian)

Paramonov, B., and I. Tolstoi. *Bedlam kak Vifleem: Besedy lyubitelei russkogo slova. Filosofskii kommentarii k russkoi literature* [Bedlam as Bethlehem: Conversations of lovers of the Russian Word. A philosophical commentary on Russian literature]. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017. (In Russian)

Pashchenko, M.Ya. "K osveshcheniyu voprosa o vremeni sozdaniya Soveta po evakuatsii i ego rukovodstve v nauchnoi i uchebnoi literature" [To the issue of the time of establishment of the Evacuation Council and its leadership in scientific and educational literature]. *Bereginya*. 777. *Sova*, no. 3 (14) (2012): 49–54. (In Russian)

Platonov, S.P., ed. *Operatsii sovetskikh vooruzhennykh sil v period otrazheniya napadeniya fashistskoi Germanii na SSSR. (22 iyunya 1941 g. – 18 noyabrya 1942 g.)* [Operations of the Soviet Armed Forces in the period of repelling the attack of Nazi Germany on the USSR (June 22, 1941 – November 18, 1942)]. Moscow: Voenizdat, 1958. (In Russian)

Potemkina, M.N. *Evakuatsiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: lyudi i sud'by* [Evacuation during the Great Patriotic War: People and fates]. Magnitogorsk: MaGU, 2002. (In Russian)

Potemkina, M.N. "Vykovyrennye": *lichnostnoe vospriyatie evakuatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* ['Plucked out': Personal perceptions of evacuation during the Great Patriotic War]. Magnitogorsk: Izdatel'stvo Magnitogorskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. G.I. Nosova, 2016. (In Russian)

Safonova, T.A. "Priem i razmeshchenie evakuirovannogo naseleniya v Zapadnoi Sibiri v 1941–1942 godakh" [Reception and accommodation of evacuated population in Western Siberia in 1941–1942]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (spetsvypusk)*, iss. 4 (20) (2000): 122–25. (In Russian)

Shablii, E.A. "Kremenchugskoe podpol'e v gody Vtoroi mirovoi voiny" [Kremenchug underground during the Second World War]. Okrain.net.ua. Accessed May 28, 2025. https://okrain.net.ua/ru/article/read/kremen_podpole.html (In Russian)

Shevyrin, S.A. "Arkhivno-sledstvennye dela NKVD kak istochnik, dopolnyayushchii istoriyu evakuatsii (na primere Molotovskoi oblasti)" [Archival investigation files of the NKVD as a source supplementing the history of evacuation (a case study of Molotov Oblast)]. In *Noyabr'skie istoriko-arkhivnye chteniya – 2019 g.: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945 gg. K 75-letiyu Pobedy"* (Perm', 7–8 noyabrya 2019 g.) [November historical and archival readings – 2019: Proceedings of the International scientific and practical conference "The Great Patriotic War. 1941–1945. On the 75th Anniversary of Victory" (Perm, November 7–8, 2019)], edited by S.V. Neganov, 480–86. Perm: Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii, 2020. (In Russian)

Simonov, N.S. *Voenno-promyshlennyy kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizatsiya proizvodstva i upravlenie* [Military-industrial complex of the USSR in the 1920s–1950s: Economic growth rates, structure, production organization, and management]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1996. (In Russian)

Smykalin, A.S. "Politicheskie nastroyeniya evakuirovannogo na Ural naseleniya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: po materialam voennoi tsenzury" [Political sentiments of the population evacuated to the Urals during the Great Patriotic War: Based on the materials of military censorship]. In *Rol' organov i voisk gosudarstvennoi bezopasnosti v dostizhenii pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.: materialy regional'noi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 25–26 fevralya 2005 g.)* [Role of state security agencies and troops in achieving victory in the Great

Patriotic War of 1941–1945: Proceedings of the Regional scientific conference (Yekaterinburg, February 25–26, 2005), 51–55. Yekaterinburg, 2005. (In Russian)

“Vagonostroenie v gody pervykh pyatiletok. Razvitie vagonostroitel'nykh zavodov” [Carriage engineering in the years of the first five-year plan periods. The development of carriage works]. 1520mm.ru. Accessed April 13, 2024. <https://www.1520mm.ru/railcars/carloadPlants-1929-1941.phtml> (In Russian)

Информация об авторах

Олег Леонидович Лейбович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, oleg.leibov@gmail.com, Пермский государственный институт культуры (д. 18, ул. Газеты «Звезда», 614000 Пермь, Россия).

Юлия Сергеевна Колчанова – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и философии, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>, jukolchanova@gmail.com, Пермский государственный институт культуры (д. 18, ул. Газеты «Звезда», 614000 г. Пермь, Россия).

Information about the authors

Oleg L. Leibovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Philosophy, <https://orcid.org/0000-0001-5191-939X>, oleg.leibov@gmail.com, Perm State Institute of Culture (18, ul. Gazety “Zvezda”, Perm, 614000, Russia).

Yuliya S. Kolchanova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Philosophy, <https://orcid.org/0009-0002-1892-0190>, jukolchanova@gmail.com, Perm State Institute of Culture (18, ul. Gazety “Zvezda”, Perm, 614000, Russia).

Заявленный вклад авторов: Раздел статьи «В кабинетах» подготовлен О.Л. Лейбовичем, раздел «В теплушке» подготовлен Ю.С. Колчановой, разделы «Введение» и «Заключение» – в соавторстве.

Author Contributions Statement: The section of this article under the heading “In the Offices” was prepared by O.L. Leibovich, the section “In the Heated Freight Car” was prepared by Yu.S. Kolchanova, and the Introduction and the Conclusion sections were co-authored by them.

Статья поступила в редакцию 20.02.2025; одобрена после рецензирования 04.06.2025; принята к публикации 28.08.2025.

The article was submitted 20.02.2025; approved after reviewing 04.06.2025; accepted for publication 28.08.2025.